

ЛЕВ КАССИЛЬ

БРАТ ГЕРОЯ

ПЬЕСА В ВОСЬМИ КАРТИНАХ

АВТОРСКАЯ ОБРАБОТКА ДЛЯ
САМОДЕЯТЕЛЬНОГО ДЕТСКОГО ТЕАТРА

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Климентий Черемыш — знаменитый летчик, Герой Советского Союза.

Геша Черемыш	}	ученики пятого класса «Б» Северянской школы.
Федя Плинтусов		
Коля Званцев		
Аня Баратова		
Рита Муравская		
Юра Лукашин		
Дуся Петухова		
Шура Корелов		
Нонна Королева	}	
Вова Сбруев		

Директор школы.

Евдокия Власьевна — учительница географии.

Валериан Аркадьевич — учитель математики.

Петя Никольский — старшеклассник, фотокорреспондент-любитель.

Дима	}	ученики второго класса, «оруженосцы» Пети.
Ната		

Дед-караульщик.

Бабка.

Сохатов — директор лесозавода.

Железнодорожник.

Уборщица, судья, зрители.

Картина первая

Из-за занавеса, еще закрытого, слышно: «Огонь... Первое орудие... Огонь...» Щелкают выстрелы. Занавес раскрывается. Класс. Он еще пуст. Позднее северное утро едва проглядывает сквозь окна. Школьник Юра Лукашин, сидя на корточках перед печкой, азартно шурует длинной кочергой угли и головни.

Лукашин. Батарея, огонь... Пальба взводом... пачками... Ага, наши наступают! За мной!.. (Яростно тычет кочергой, как штыком, в печку.)

В класс заглядывает Рита Муравская. Это бойкая востроносенькая девчурка. Она знает тысячи гримас и ужимок. Она страшная болтушка, неутомимая говорунья. Входит легонько, бочком, подпрыгивая по-сорочьи. Лукашин не замечает ее. Девочка подбегает к доске и выводит крупно мелом «3:0»... Потом она прячется за доску.

Лукашин (продолжая бушевать в печке). Чапаевцы, за мной! Красная конница ринулась в атаку, клинки сшиблись, полетели искры... и закипело жаркое сражение...

Рита (из-за доски). И наши мальчишки проиграли со счетом три на нуль.

Смущенный Лукашин разом замолкает.

Рита (выходит из-за доски). Эх вы игроки! Ни одного мяча вчера железнодорожникам не забили. Просто позор для всей школы, просто позор!..

Лукашин. Ну да, а судья как им подыгрывал! Все голы неправильные были. И ветер с ихней стороны дул.

Рита. Дул, дул и три гола вам надул. Эх вы игроки! Это же просто позор! Это же просто позор! Три на нуль! Три на нуль! Три на нуль!

Лукашин. Да ну тебя! Тринануль... тринануль... (Зажимает уши.)

Р и т а. Вот погодите, скоро сами вашу команду вызовем, тогда увидите.

Л у к а ш и н. Кого вызовете? Нас? А ведерки у вас есть?

Р и т а. Зачем еще ведерки?

Л у к а ш и н. В одно слезы сливать будете, в другое голы складывать... Эх вы тринанульки!

Входит толстый, багровощекий Федя Плинтусов и тихенький Коля Званцев. У обоих подмышкой хоккейные клюшки и богишки с привинченными к ним коньками. Оба быстро прячут клюшки под парты.

З в а н ц е в. Вот я тебе сейчас все объясню чисто математически, тогда поймешь, почему нас вчера железнодорожники причесали. (Подходит к доске, видит там позорную цифру поражения.)

Плинтусов всердцах перечеркивает надпись крестом, а Званцев быстро стирает.

З в а н ц е в. Вот, допустим, это ворота. Я, значит, веду мяч с центра на угол. Вот точка А — это я, а вот точка Б — это ты.

П л и н т у с о в. Почему же обязательно ты А, а я Б? Ишь ты, всегда вперед лезешь!

З в а н ц е в (стирает бумажкой буквы). Ну хорошо, значит Б — это я, а ты — вот тут.

П л и н т у с о в. И вовсе я не тут. А вон где был. Опять ты себя вперед поместил.

Званцев в отчаянии бросает мел на пол. В класс по-хозяйски входит девочка. У нее две косички, завернутые кольцами на висках. Это староста класса Аня Баратова.

А н я. У нас, наверное, ребята, пустой урок будет. По немецкому языку заболел. Опять всю доску исчеркали?

П л и н т у с о в. А это мы задачу решаем. Вот дан угол АБ, а вот центр, и надо провести мяч в угол ворот... (Хохочет.)

Аня берет тряпку и сердито стирает чертеж с доски. В класс один за другим входят мальчики и девочки.

А н я. А это кто опять клюшки в класс притащил?

П л и н т у с о в. Лыжи-то под парту не впихиваются, а клюшка в аккурат.

А н я. Безобразие! Плинтусов, твоя? А это чья? Званцева?

Мальчики хохочут.

Р и т а. Девочки, вы все видели, как наши мальчишки вчера проиграли в хоккей? С треском проиграли — три на нуль. И особенно плохо Лукашин играл. Такой позор! Такой позор!

Н о н н а. Позор! Позор!

Д у с я. Позор!

Р и т а. Не могли забить ни одного мяча! Просто позор! Просто стыдно с такими в одном классе учиться!

П л и н т у с о в. Да мы против ветра играли.

С б р у е в. А состав у нас какой был? Меня с поля выгнали, то есть сняли... И у меня еще на левой ноге шуруп впился прямо в ногу. И сейчас еле хожу.

Р и т а. Знаем мы тебя! Молчи уж, Сбруев, лучше.

Л у к а ш и н. И ничего смешного!

П л и н т у с о в. И солнце прямо в глаза светило.

А н я. И солнце против вас, и ветер против, и шуруп в пятке, и снег на ваши ворота шел. А у железнодорожников в воротах чудная погода была.

Все девочки смеются.

Р и т а. Ты на судью, на судью еще пожалуись!

Все смеются. В это время в класс входит мальчик На нем военная гимнастерка с голубыми полосками на воротнике. Это
Г е ш а Ч е р е м ы ш.

Г е ш а. Ребята, это пятый «Б»?

Все сразу оборачиваются.

Д у с я. Ой, девочки!

С б р у е в (залезает на парту и смотрит на Гешу).
Смотрите, новенький!

Г е ш а. Здравствуйте!

А н я. Здравствуйте!

Геша, смущенно оглядев весь класс, вдруг на задней парте видит
З в а н ц е в а.

Г е ш а. Ой, слушай, ты что ж меня не дождался? Наши все детдомовские ушли, а меня одного оставили. Я еле нашел.

З в а н ц е в (подходит к Геше). А я тебя ждал, ждал, а ты не идешь. Ничего, у нас пустой урок. Ну, садись сюда, ко мне. (Подводит новенького к своей парте.) Вот моя парта.

П л и н т у с о в. Нацепил петлички, фью... Под летчика вырядился.

Л у к а ш и н. По ко́ням! По ко́ням!

Все кидаются к своим местам. Входит учительница Евдокия Власьева. У нее седые, собранные в большой узел на затылке волосы. Ребята вскакивают. По удовольствию и треску, с каким выполняется обряд встречи, можно догадаться, что учительница строга, но любима.

Евдокия Власьева. Доброе утро, ребята!

Ребята. Здравствуйте, Евдокия Власьева!

С бруев (как всегда последний). Здравствуйте, Евдокия Власьева! (После того как все садятся.) Евдокия Власьева, а у нас в классе новенький.

Рита. Новенький, Евдокия Власьева!

Дуся. Новенький!

Евдокия Власьева. Знаю, знаю. Садитесь. Каролина Людвиговна заболела, и, чтоб время не пропало даром, мы займемся географией.

Плинтусов (через парту Рите). Что на сегодня задавали?

Рита (шепчет в ответ). Реки Сибири.

Евдокия Власьева. Ну-ка, новенький, покажись! Давай с тобой познакомимся. Как твоя фамилия?

Геша (встав с парты). Черемыш Геннадий.

Все разом поворачиваются к новенькому, услышав это имя.

Лукашин. Эх! Вот это так да!

С бруев. Как он сказал?

Плинтусов. Вот это фамилия!

Рита. Аня, слышишь?

Аня. Слышу.

Евдокия Власьева. Какая у тебя фамилия знаменитая! Ты не родственник тому летчику Черемышу?

Рита (вскочив). Ой, Евдокия Власьева, я уже догадалась. По портрету догадалась. Это летчиков родной сын. Как две капли, вылитый!

Плинтусов. Тебе Черемыш, который летает, папа?

Геша. Нет. (После паузы.) Брат. (Сел.)

Корелов. Вот так штука! Черемыша брат!

Дуся. Героя Советского Союза!

Рита (Ане). Аня, мы его на переменке про все спросим. Ладно?

Дуся. Вот это новенький, Евдокия Власьева!

Евдокия Власьева. Вот как! В самом деле, родной брат? Это хорошо! Таким братом гордиться можно и не только тебе, всем нам. Ну, ребята, надо будет подтянуться. А то если наш Черемыш так же быстро и

высоко заберется в науках, как его брат в небо, то нам за ним не угнаться.

С бруев. Евдокия Власьевна, так значит это того Черемыша брат? Летчиков брат?

Дуся. Который на полюс летал? Того самого брат? Ой, девочки!

Евдокия Власьевна. Ну, довольно, довольно шуметь! Тишина. Плинтусов, сядь.

Плинтусов неохотно покидает парту Званцева и направляется на свое место.

Евдокия Власьевна. Ребята, я просмотрела ваши домашние работы. Кстати, Лукашин, поди сюда. Ты здесь ошибся.

Плинтусов (перегнувшись к сидящему сзади Званцеву). Колька, давай меняться — ты на мое место, а я на твое. Тебе ж выгода: у вас там парта со скрипом, а с моего места даже каланчу напротив видно.

Званцев. Ну и кланяйся от меня пожарному.

Евдокия Власьевна. Плинтусов, чем ты там увлекся? Вот, кстати, Плинтусов, иди-ка сюда. Давай побеседуем с тобой у карты, а то ты в работе такое напутал...

Плинтусов нехотя бредет к доске.

Евдокия Власьевна. Баратова, карту.

Аня Баратова направляется к доске, зовет к себе Дусю, и они вместе вешают на доску карту Сибири. Затем снова направляются на свои места.

Евдокия Власьевна. Ну-с, о чем ты сегодня читал к уроку, Плинтусов?

Плинтусов. О реках Сибири.

Евдокия Власьевна. Вот и расскажи нам о реках Сибири. (Встает со своего места, направляется в другой конец класса, а Плинтусов, стоя у доски, берет палку и, постукивая ею о пол, исподлобья смотрит на учительницу.)

Плинтусов. В Сибири есть реки. (Показывает.) Они текут и впадают... (Молчание.) Впадают... (Почти не глядя, водит указкой по карте.)

Евдокия Власьевна (возвращаясь на свое место). Так. Ну так какие же это реки?

Плинтусов. Реки в Сибири... (Молчание. Делает вид, что у него заболел зуб.)

Евдокия Власьевна. Ну, Плинтусов, так какие же реки в Сибири?

Плинтусов. Реки в Сибири очень глубокие.

Евдокия Власьевна (подойдя к карте). Ну вот это какая река, Плинтусов? Так. Ну, садись на место. Ну что же мне с тобой делать, Плинтусов? Стыдно!

Весь класс поднимает руки, чтобы ответить урок.

Смотри, все, кроме тебя, знают. Ну, пусть новенький нам покажет.

Лукашин. Интересно!

Учительница садится за стол. Черемыш встает и идет к карте. В классе проносится шумок. Все с любопытством ждут, что скажет новенький. Черемыш берет указку.

Геша. Сибирь богата реками... Большинство из них течет с юга на север. Основные сибирские реки — это Обь с Иртышом, Енисей с тремя Тунгусками, Лена с Алданом, Вилюем и Оленгой. (Показывает на карте эти реки.) Есть еще Анабар, Хатанга, Оленок, Яна, Индигирка и Колыма. (Показывает реки на карте.) Реки эти очень многоводны. Весной во время разлива они покрывают водой ужасно огромное пространство тундровой степной земли. Полеты здесь, в бассейнах рек, довольно затруднены. Весной и осенью здесь большие туманы и видимость плохая. Когда Герой Советского Союза майор Климентий Черемыш...

Класс с большим интересом следит за тем, о чем говорит Черемыш.

Лукашин (приподнявшись с парты). Брат твой?

Геша. Да. Когда он полетел из Москвы в Колыму, то у него тут получилась вынужденная посадка, и он с трудом нашел место, куда машину сажать... потому что кругом вода была... даже берегов не видно...

Евдокия Власьевна. Ну, довольно! Хватит!

В классе разочарованные голоса. Всем еще хочется слушать Гешу.

Молодец! Видно, ты хорошо трассу изучил, по которой брат летал. Вот видите, ребята, как у нас интересно географией заниматься! Что ни точка на нашей карте, то целая повесть про славу, про доблесть и труд наших людей... И по всей этой карте, куда указкой поведу, мои выученики живут, учатся, ездят, плавают, летают... Есть летчики, гидротехники, капитан дальнего плавания...

Сбруев. Капитан, Евдокия Власьевна?

Геша. Сибирь богата реками. Большинство из них течет с юга на север.

Евдокия Власьевна. Он знал реки Сибири. *(Легкий смешок в классе.)* Они моря соединяют, реки поворачивают, новые города на карту наносят... И письма мне пишут. А в письмах меня, свою учительницу, новой географии обучают. Вот как!..

Звонок.

Ну, ребята, давайте чтобы к следующему разу все в нашем классе знали реки Сибири. *(Уходит из класса.)*

За ней уходят Нонна и другие девочки. Геша остается у первой парты. К нему подходят мальчики, стараясь занять место поудобнее.

Дуся. Что ты пихаешься?

Корелов. Можно петлички потрогать?

Плентусов. Убери хваталки!

Лукашин. Тише вы, дайте же поговорить с человеком!

С бруев. Значит, ты того Черемыша брат? И он тебе обратно тоже брат?

Геша. Да.

Плнтусов. Во ловко! Брат...

Рита. Вы вон кто, оказывается! А мы сразу не догадались. Смотрим — петлички, а зачем петлички, почему петлички — никто не знает.

Плнтусов. Это ты здорово, что к нам поступил! У нас ребята один к одному.

Директор (входит в класс). Вы что же это, ребята, так вчера опозорились? Проиграли. Тренируетесь плохо, что ли?

С бруев. Кирилл Степанович, во-первых, начало сезона, во-вторых, ветер в нашу сторону...

Директор. Ладно, ладно! Вы мне эту метеорологию не разводите.

Рита. Кирилл Степанович, они всё на погоду сваливают. У них все погода виновата: либо дождь, либо снег...

Плнтусов. И солнце нам в глаза светило.

Директор. Проиграли потому, что плохо готовились. Эх вы, чемпионы! В прошлом году на весь город славились, а теперь... (Подойдя к парте новенького.) Ну, новенький, как устроился? Не обижают?

Плнтусов. Кирилл Степанович, он, оказывается, брат того самого Черемыша, летчика.

Директор. Что ж такого! Я знаю. Тут, собственно говоря, ничего сверхъестественного нет. Брат у каждого может быть.

Дуся. Удивляюсь все-таки... Брат такой летчик известный, а он живет почему-то в детском доме и не в Москве. Странно как-то!

Директор. Ну, уж это их частное, точнее — их семейное дело.

Плнтусов. А почему он вдруг к нам попал?

Директор. Его из Вышнегорска привезли. Тамешний детдом оползнем завалило. Ну вот ребят по другим местам и распределили. Имейте в виду, ребята, он там круглым отличником шел. Держись, пятый «Б», держись! (Хозяйственно осматривает класс, подходит к печке, пробует ее и, любовно провожаемый ребятами, уходит.)

У парты Геши Черемыша снова завязалась горячая беседа.

Аня. Что ж вы сами тоже летали когда-нибудь?

Г е ш а. Приходилось. Нас, детдомовских, на Первое мая катали.

Р и т а. Эх, вот бы мне полетать! Хоть крошечку, хоть самую-рассамую крошечку!..

П л и н т у с о в. Ох, а сама бы скорей вниз запросилась. Ой-ой-ой! Страшно! *(Передразнивает Риту.)*

Р и т а. И ничего подобного! Не запросилась бы! Чего ты пристаешь ко мне, Плинтусов? Я бы первый разок полетела не совсем высоко. Вот так. *(Показывает рукой.)*

Г е ш а *(заученно)*. Лихачество на небольшой высоте может привести к тому, что вашим друзьям придется отнести цветы на вашу могилу.

Все подавлены ученостью новичка.

Р и т а *(восторженно)*. Ах, и откуда ты все это знаешь?

Г е ш а. Это в книжке «Ваши крылья» так написано.

А н я. А я думала, что ты все это сам...

Г е ш а. А почему у тебя прическа такая смешная... баранчиком?

А н я. Ну и пусть! И вовсе не баранчиком. Это так во время Онегина носили.

Л у к а ш и н. Евгения Онегина?

А н я. Да, даже есть картинка такая в «Полном собрании сочинений» Пушкина.

Г е ш а. А я думал, ты все это сама.

Плинтусов громко хохочет.

А н я. Ты вот скажи лучше, почему ты брат, а живешь в детдоме?

Р и т а. Правда, почему?

Г е ш а *(замаялся)*. На то есть потому. Только долго объяснять. С квартирой у него еще не налажено. Он в общежитии летчиков. Это раз. Дома он почти не бывает, летает все. Да и так вообще.

Р и т а. Вижу, вижу, секрет какой-то. Скрывает. Я уж вижу...

Г е ш а. Нет, тут никакого секрета нет. Письма он мне часто пишет. Вот. *(Вынимает из портфеля письмо. Все ребята тянутся к надорванному конверту.)*

Л у к а ш и н. Вон обратный адрес. *(Читает.)* «Москва. Авиагородок. Кл. Черемыш».

С б р у е в *(восторженно)*. Кл. Черемыш!

П л и н т у с о в. И на марке сам нарисован. Похож?

Г е ш а. В точности.

П л и н т у с о в. Красиво пишет. С нажимом. А про что он пишет, прочти.

А н я. Вот дурной Плинтус! Как не стыдно?!
Р и т а. Плинтус-свинтус.

Ребята возмущены нетактичностью Плинтусова.

Г е ш а. Да нет, ничего... На, прочти сам. Вот что загнуто.

Ребята наперебой отбирают друг у друга письмо. Аня Баратова как староста предлагает прочесть.

А н я (читает волнуясь). «Прости, что я тебе редко пишу, Геша. Сейчас очень много работы. С комнатой обещают в скором времени наладить. Этот год поживи еще так, а потом пора и снять тебя с государственного ко...»

Г е ш а. Кошта.

А н я. «...кошта. Ну, учись хорошенько. Будь здоров, браток. Кл. Черемыш».

Л у к а ш и н (отдавая письмо Геше). Счастливый ты! Он ведь у тебя военный летчик?

Г е ш а. Военлет.

А н я. Ну так что ж! И ничего особенного. А у меня брат на лесозаводе первый мастер. Его к Октябрю целым велосипедом премировали.

Л у к а ш и н. А у меня брат в Ленинграде военный химик известный.

З в а н ц е в. А мой, знаешь, художник.

С б р у е в. А у меня дядька военный милиционер.

Р и т а. А у меня даже тетя есть в Москве артистка, балерина.

П л и н т у с о в. Тетка! Это не считается. Ты бы еще бабушку вспомнила. Вот у меня брат, так он может зараз два батона, халу и кило ситного съесть.

С б р у е в. Серьезно?

З в а н ц е в. Вот это здорово!

Звонок.

Л у к а ш и н. По ко́ням! По ко́ням!

Все ребята бросаются на свои места, готовясь встретить входящего учителя.

Картина вторая

Городской сад. Ворота и забор городского катка. Две скамьи справа. На переднем плане стоит большая снежная фигура с угольными глазами, с метлой в руке. Слева появляется дед-караульщик, подметающий лед.

Дед (увидев снежную фигуру). Ишь ты! Прокураты. Статуй под мой портрет сложили... Вот фигура! Стоишь? А что стоишь — вот вопрос. А какой из тебя толк? Прикурить и то не можешь. Статуй и статуй. Молчишь? Ну и молчи, дурак белолобый! (Продолжает мести.)

Появляется шумная, веселая компания знакомых нам ребят. В руках у них хоккейные клюшки.

Геша. Дед, а мы сейчас железнодорожникам четыре на ноль всадили.

Лукашин. Четыре на ноль!

Званцев. Это все Гешка, капитан наш. Как про-рвался, как дал...

Плнтусов. А как я на двух ихних наехал!

Геша (смеясь). Как грузовик.

Званцев (со смехом). Ну и здоровый, Плнтус! Они так и посыпались...

Сбруев. Дед, а как я еще тут подоспел...

Званцев. Молчи уж! Из-за твоей милости нам два штрафных дали да еще два замечания от судьи.

Сбруев. И вовсе не мне замечания.

Дима. Тебе.

Сбруев. Не мне.

Дима. Нет, тебе, тебе!

Плнтусов. Ну, ребята, мы теперь в городе первые чемпионы.

Дед. Чемпионы, чемпионы! Только лед кромсать и царапать. А подметать да ровнять кто будет? Статуй? Вот вопрос.

Геша. Статуй, дед, статуй.

Слышны голоса приближающейся команды девочек.

Званцев. Девчата идут. А ну по местам!

Все ребята быстро прячутся кто куда. Появляются девочки. Последней идет Аня Баратова.

Сбруев (выскакивая из-за снежной бабы). Баратова, Баратова! Иди сюда. Дело есть.

Баратова оборачивается, девочки останавливаются.

Лукашин. Знаменитым чемпионкам! Наше вам с клюшкой!

Сбруев. Чемпионкам привет!

Аня. Рита, не связывайся.

Лукашин. Баратова, что полно ведерочко голов наловили?

Аня. Лукашин, ты лучше перестань.

Дуся. И чего ты, Лукашин?

Аня. Девочки, не обращайтесь внимания.

Плнтусов. Да разве у них игра?

Геша. А что?

Плнтусов. Девчачий хоккей — это не игра, один писк.

Аня. И нечего вам ходить на нашу площадку смотреть, как мы тренируемся. Хитрые тоже!

Лукашин. Да вам разве мячи гонять?

Геша. А что?

Лукашин. Вам дохлую курицу гонять, а вместо клюшек — веник.

Громкий смех ребят.

Рита. Ну, это мы еще увидим, из кого перья полетят, как из дохлой курицы. Правда, девочки, посмотрим?

Геша. Сборной команде с птичьего двора пискультура!

Сбруев. Цып, цып, цып...

Аня (девочкам). Пусть их, пусть!

Плнтусов. Кудах-тах, тах-тах!

Ребята смеются.

Аня. А по-моему, очень глупо, девочки.

Дуся. Ты думаешь, может, что у тебя похоже получается? И нисколечко, нисколечко.

Рита. Плнтус, ты по-бараньему попробуй. Это тебе больше подходит. Бе-бе-бе!

Лукашин. Вы бы вот кого к себе в команду взяли. (Показывает на снежную бабу.) Как раз подходящая. И веник есть — пойдет вместо клюшки.

Плнтусов (отойдя и рассматривая снежную бабу). Подходящая фигурка!

Рита. Стойте, стойте, девочки! Вы свое чучело сами себе возьмите на здоровье. Две капли воды — Плнтус. Прямо вылитый. Похож, девочки, правда?

Аня. А верно, похож.

Все девочки. Похож, похож, похож!

Ребята смотрят то на Плинтусова, то на снежную бабу и молчат. Вбегают Петя с Димой и Натой, нагруженные вещами — аппаратом, штативом, папками и т. д.

Петя. Эй, пятиклашечки, мошкара, здорово!

Ребята приветствуют Петю.

Имеется замечательная новость! Слушайте экстренное сообщение вашего собственного корреспондента. Ребята, вчера Герой Советского Союза известный летчик майор Климентий Черемыш...

Все ребята смотрят на Черемыша.

Черемыш вылетел в новый беспосадочный полет Севастополь — Москва — Чукотка на одноместном скоростном самолете «Молния». Вы спрашиваете, что это такое? Вот его радиограмма. (Читает.) «Пролетаю предгорья Урала. Мотор — как часы. Лечу, как по-писанному, и прочее соответственно».

Геша. Это он всегда так говорит: «Прочее соответственно».

Петя. Вы понимаете, ребята? Беспосадочный перелет Севастополь — Москва — Чукотка! Ну, прощайте, я побежал в редакцию. (Убегает, за ним Дима и Ната.)

Ребята радостно поражены. Геша стоит с широко раскрытыми мечтательными глазами, держа в руках газету с портретом летчика.

Званцев. Вот это так полетел!

Лукашин. Наискосок через всю страну.

Аня. Геша, а ты бы полетел с ним, если бы взял?

Геша. Еще бы не полететь!

Званцев. И не побоялся бы?

Геша. Побоялся бы, а все-таки полетел.

Лукашин. Там у него лишнему и сесть негде.

Геша. А я бы стоя, лишь бы взял.

Рита. Нет, вы только подумайте, вы только поймите, сколько ему лететь! И утром он вчера летел, и когда мы в школе были, он все летел, и после обеда он все летел. И потом, когда мы уж спали, он все летел... летел... И вот сейчас, подумайте только, мы тут с вами трещим, трещим, а он там все летит, летит...

Сбруев. Во жуть!

Аня. Ты только, Геша, не волнуйся.

Плинтусов (наступая на Аню). А чего ему волно-

ваться? Он и не волнуется ни капельки. Это вы вот за себя поволнуйтесь завтра на контрольной письменной...

Аня. Черемыш, знаешь что? Мы решили вызвать вас, вашу команду то есть, на матч.

Геша. Что-о-о?

Плнтусов. Чего?

Сбруев. Кого?

Званцев. Как?

Геша. Да вы соображаете, на кого вы замахнулись, писклявая команда?

Аня. Бойтесь, значит?

Рита. Боятся, боятся, боятся! Струсили. Я так и почувствовала.

Дуся. Страшно стало?

Геша. Было бы чего бояться!

Плнтусов. Только писком вашим уши засорять!

Лукашин. Пять минут: «ох и ах» — всю команду в пух и прах.

Аня. А это мы еще посмотрим, кто запищит. Трусите просто. Так и скажите.

Сбруев. Чего?

Геша. Тихо, ребята, дай я поговорю. Ну?

Аня. Трусите?

Рита. Трусите, трусите!

Геша. Да при чем тут трусость?

Аня. Трусите!

Рита. Трусите!

Геша. Просто возиться с вами никакой охоты нет.

Плнтусов. Вас чуть тронешь клюшкой, так вы живо жаловаться Евдокии Власьевне побежите: «Ой, ой, ой!»

Аня. А вы играйте вежливее. Это уж от капитана зависит.

Геша. Ладно, ребята! Вот мы им всыпем штук пятнадцать с пылу, с жару, горячих. Кладу две минуты на гол.

Рита. В своих воротах считайте.

Лукашин. Тринанульки.

Дети начинают играть в снежки и постепенно удаляются. Последней идет Аня. Вбегает Евдокия Власьевна.

Евдокия Власьевна. Аня, тебя-то мне и нужно!
(Тихо шепчет ей что-то на ухо.)

Аня. Ой! Евдокия Власьевна, что же это такое? Что

же теперь с Гешей будет? Я прямо даже не соображаю, как же это!

Евдокия Власьевна. Пока еще ничего неизвестно. Вот я зашла тебя предупредить. Надо как-нибудь с Гешей побережнее.

Петя (вбегая). Евдокия Власьевна, только что получили сообщение. Двадцать два часа связи нет. Четыре самолета вылетело на поиски.

Плинтусов, игравший в снежки неподалеку, услышав этот разговор, быстро подходит к ним.

Плинтусов. Что, самолет потерялся?

Петя. Ну да, Плинтусов, самолет потерялся.

Плинтусов. А Гешка еще ничего не знает. Гешка! Гешка! (Срывается с места и бежит искать Гешу, но Геша, услышав его крик, выходит к нему навстречу.) Гешка! С братом-то, слышал, что?

Аня (пытаясь удержать Плинтусова). Плинтусов! Плинтусов!

Плинтусов. Самолет потерялся, уже двадцать два часа связи нет.

Геша. Что-о?

Плинтусов. Уже поиски начали. Проси, чтобы от письменной тебя освободили.

Аня. Вот чучело мороженое!

Геша неподвижно стоит, о чем-то задумавшись. С радостными возгласами врываются Лукашин, Званцев, Сбруев.

Лукашин. Гешка, Гешка, куда ты девался?

Плинтусов. Тише ты!

Сбруев (подойдя к Плинтусову). А что?

Плинтусов (тихо). Самолет потерялся. Ты, Гешка, право, не волнуйся. (Подходит к Геше.) Конечно, мало ли... Может быть, там атмосфера не пропускает радио, а потом пропустит, и мы узнаем.

Геша. Эх ты! Атмосфера! Атмосфера! В голове, видно, у тебя атмосфера.

Плинтусов. А ты, Гешка, не волнуйся. Гешка, а? Просись от письменной-то освободить. Уважительная причина. Эх ты, чудо!

Геша. Сказал нет, и не приставай. (Секунду стоит, потом идет, опять останавливается, смотрит на ребят и быстрым шагом уходит.)

Вслед за Гешей по одному начинают расходиться ребята. Первыми уходят Званцев, Лукашин, Евдокия Власьевна, затем Сбруев.

Последними идут Аня и Рита. Неожиданно Аня останавливается и подходит к Плинтусову.

Аня. Раз в жизни помолчать не мог, чучело мороженое! (Уходит.)

Рита, слышавшая упрек Ани, тоже подходит к Плинтусову.

Рита. Чучело! Вот! (Показывает на снежную фигуру. Уходит.)

Плинтусов (один, смотрит на чучело). Как Плинтус, говорят, вылитый. Похож разве? (Подходит, рассматривает.) И правда, похож. (Обидевшись, замахивается клюшкой.) Ты что, еще передразнивать будешь?

Дед (замахиваясь метлой). Ты зачем это статуи портишь? Я вот тебе!

Картина третья

Живой уголок школы, куда временно перенесен рабочий стол директора. Здесь идет подготовка к избирательной кампании и к прилету Черемыша. Ребята дописывают портрет летчика, доклеивают лозунг, доплетают гирлянду. Директор работает за столом.

Сбруев (приклеивая буквы лозунга). Ната, сбегай на кухню, там клейстер стоит, принеси. Кирилл Степанович!

Директор подходит к нему. Тихо разговаривают о плакате. Ната возвращается с баночкой клейстера.

Валериан Аркадьевич (высовываясь из дверей класса). Ну как, ничего не слышно о самолете?

Директор. Пока ничего. А как там у вас Черемыш?

Валериан Аркадьевич. Да застрял что-то. (Снова скрывается в классе.)

Пауза. Все работают. Входит уборщица.

Уборщица (тихо). Кирилл Степанович, вас там требуют.

Директор и уборщица уходят. Дима слезает со стремянки, подходит к двери класса, пытается заглянуть в щель.

Корелов. Димка, куда ты?

Дима. Я только на Гешу посмотреть. (Возвращается на место.)

Сбруев (встряхивая готовый лозунг). Готово!

Корелов. Можно вешать.

Сбруев и Нонна, согнав малышей со стремянки, навешивают лозунг. Малыши переходят с гирляндой к директорскому столу.

Входит Сохатов, видит малышей — Диму и Наташу.

Сохатов. А, ребяташки! Мне Кирилл Степановича...

Дима. Какого? Директора?

Ната. А вы из какого класса родитель?

Сохатов. Да я не по тому делу. Я с лесозавода, Сохатов.

Ната. А посторонним ход через вон оттуда.

Дима. Вам директора кабинет? Да? Он вон где. Прямо и налево назад.

Ната. Только там не кабинет совсем, а теперь уж избирательная комиссия.

Дима. Ага... А директор теперь уже тут сидит. Он сейчас придет.

Сохатов. Вот так бы и сказали! (Садится в ожидании директора.)

Дима. Дядя, а самолет не нашелся еще?

Ната. У нас его брат родной в пятом «Б» учится.

Пауза. Ребята вешают гирлянду и портрет летчика. Входит директор.

Директор. А, товарищ Сохатов!

Сохатов. Кирилл Степанович, я, понимаешь, к тебе как к председателю избирательной комиссии — ведь ты по нашему избирательному участку. Посоветуй: что же нам теперь откладывать собрание, что ли, приходится? Ведь неудобно, понимаешь... Его как раз рабочие наши кандидатом выставляют, он земляк наш. Всё приготовили вот, а он, понимаешь... Вот ведь дело-то какое! Очень уж за него народ тревожится на всем нашем лесозаводе.

Директор. Да, придется пока подождать. Я-то уверен, что отыщут и все хорошо будет. Пройдем сейчас, я покажу тебе.

Директор и Сохатов уходят. Ребята собирают краски, банки, берут стремянку и уходят. Остаются Дима и Ната.

Ната (глядя на портрет летчика). А он уж сам погибший наверное. Да, Димка?

Дима. Ну вдруг, может, еще и не совсем.

Ната. Да, знаешь, как на самолете, если упадешь?

Дима. Я вот прямо так все время хотел, чтобы его спасли...

Ната. Само собой... Он знаешь какой был смелый!.. И Гешка теперь тоже от нас уедет.

Дима. Ну да. Его теперь в Москву возьмут учиться на место брата. Да, Натка?

Ната. Само собой... Я же и говорю.

Возвращаются директор и Сохатов, наклоняются над столом, разбирая бумаги. Из коридора доносится звонок на перемену. Быстро входит Евдокия Власьевна, по пути задерживается около директора.

Евдокия Власьевна. Ну как Черемыш? Не решил еще?

Директор. Надо было освободить его от письменной. Конечно, он не может сегодня сосредоточиться. Вся страна в тревоге, а уж он-то...

Евдокия Власьевна. Я ему предлагала, даже настаивала, он ни за что! Ужасно упрямый мальчуган! (Входит в класс.)

Из класса толпой выходят ребята, окружая Валериана Аркадьевича, и, разговаривая о контрольной, уходят в коридор. Быстро выходит из класса Геша, за ним Рита и Лукашин.

Ната. Черемыш! У тебя какой ответ?

Геша. Как решил, такой и ответ. (Нате.) Не установили связь с братом? Нет?

Ната отрицательно качает головой. Геша быстро уходит.

Рита (Лукашину). Ой, мне его так жалко, так жалко! Я прямо за него вся сама переживаю.

Лукашин. А все-таки молодец Гешка — от контрольной не отказался, решил. (Отходит и рассматривает портрет.)

Аня (входит из дверей класса). Кирилл Степанович, ничего неизвестно о самолете?

Директор. Пока ничего. Самолеты, летавшие на поиски, вернулись без результата. Не обнаружили.

Аня. Кирилл Степанович, а вдруг...

Директор. Но-но-но! Только без паники. Все своим чередом. Вы там как-нибудь поделикатнее с Черемышем. И не создавайте, пожалуйста, лишнего шума.

Распахивается дверь. Влетает Петя, за ним все ребята, учителя, уборщица.

Петя. Товарищи! Кричите «ура»! Самолет «Молния» найден! Черемыш благополучно сел на Чукотке. Радиостанция не работала. Новый рекорд и «прочее соответственно»... Ваш собственный корреспондент П. Э. Никольский, жирным шрифтом. Точка.

Общий восторг. Крики: «Ура!», «Качать Гешку!» Гешу качают.

Директор. Тихо, тихо, ребята! Ну, поздравляю тебя, Черемыш!

Рита. Мы тебя все поздравляем и все за тебя рады!

Евдокия Власьевна. Поздравляю тебя! Вот видишь, как все хорошо.

Сохатов (в телефон). Лесозавод? Лесозавод? Говорит Сохатов. Давай гудок на митинг! Отыскался наш кандидат. Новый рекорд поставил. Эх, молодчина! (Уходит.)

Директор. Ну, смотри, брат героя, не подкачай теперь. Слышал? Народ твоего брата в члены правительства выдвигает. Чувствуешь, почет какой? Так ты, Черемыш, не подводи! Ты теперь должен кругом на «отлично» итти. Ну, держись, Черемыш Геннадий, держись, брат героя! (Уходит.)

Званцев. Геша, ты напиши ему. А то вдруг какой-нибудь другой город его себе перехватит!

Лукашин. Правда, напиши.

Плнтусов. Ты напиши ему, Геша, что у нас город хороший, лесопилка электрическая!

Рита. Три кино есть!

Дуся. В городе летом фонтан выше крыши брызжет.

Сбруев. Ты напиши, что наш лесозавод перевыполнил план на сто тридцать четыре процента.

Лукашин. Да еще с дробью там...

Плнтусов. Геша, ты про хоккей не забудь. Первое место во всем крае!

Аня. И пускай к нам в школу приезжает.

Геша (неожиданно резко оттолкнув ребят от себя). Не буду я!

Лукашин. Ты что, Геша?

Геша. Сами пишите! (Резко поворачивается, чтобы уйти.)

Евдокия Власьевна. Геша, ты успокойся. Ведь все уже прошло, все в порядке. Так чего же ты? Пойдем.

Геша (вырываясь). Не пойду я! (Убегает.)

Все растеряны.

Лукашин. Евдокия Власьевна...

Рита. Что с ним?

Аня. Евдокия Власьевна...

Дуся. Непонятно.

Аня. Что с ним?

Звонок.

Картина четвертая

Декорация второй картины. На фонарном столбе висит репродуктор. Над воротами арка из зелени. Стоят школьники с большим портретом летчика и лозунгом: «Привет нашему кандидату Герою Советского Союза Климентию Черемышу!» Впереди школьников Евдокия Власьевна. Около нее Рита, Аня, Дуся. К ним подбегает Шура Корелов.

Корелов. Ну что? Когда прилетит? Евдокия Власьевна!

Евдокия Власьевна. Через десять минут прилетит.

Рита. Ну сказали тебе, через десять минут прилетит.

Аня. Евдокия Власьевна, как же без него встречать будем?

Евдокия Власьевна. Девочки, что у нас с Черемышем творится? Как хорошо учился все время и вдруг...

Рита. Он прямо какой-то ненормальный стал.

Дуся. Он в классе зевает, на тренировки не ходит, а вчера по математике опять «плохо» получил.

Аня. Он такой скрытный, ничего от него не узнаешь. С ним просто невозможно, Евдокия Власьевна.

Рита. А теперь и вовсе пропал.

Евдокия Власьевна. Ну ничего, ребятки, найдется, найдется! А теперь идите встречайте.

Валерян Аркадьевич. Ребята, построились? Живо, живо, а то опоздаем.

Ребята становятся по парам. Поднимают портрет летчика и проходят в ворота.

Аня (на ходу). Ой, я волнуюсь как! Мне приветствие говорить.

Евдокия Власьевна. Отлично скажешь.

Аня убегает, на сцене остается Евдокия Власьевна. К ней подходит Кирилл Степанович.

Директор. С аэродрома звонили: через пять минут будет.

Евдокия Власьевна. Кирилл Степанович! Вы знаете, Черемыша-то нигде нет. Сегодня ушел рано утром из детдома, захватил книжки, клюшку, и больше его никто не видел.

Директор. Вот так история! Это он, наверное, побоялся письмо передать брату.

Евдокия Власьевна. Какое письмо?

Директор. Да вы подумайте! Я с ним вчера битый

час толковал. Брат, мол, приезжает, надо подтянуться, а он грубит. Ну я и написал что полагается, чтоб брату передал.

Евдокия Власьевна. Ну как это так можно?! Ведь он так обожает брата, а вы...

Директор. Да, это, пожалуй, напрасно.

Евдокия Власьевна. Как же это вы так? Ну вот видите, что получилось! Прилетит брат, что мы скажем?

Кирилл Степанович с Евдокией Власьевной уходят. Из-за деревьев быстрым шагом выходит Геша с письмом в руке. Он смотрит вслед директору и учительнице. Затем смотрит на письмо.

Геша. «Герою Советского Союза Климентию Черемышу от директора Третьей северянской средней школы». *(Горько усмехается, вскрывает конверт, вынимает письмо, но после минутного раздумья вкладывает обратно не читая. Конверт вкладывает в книжку и намеревается уйти, но в это мгновение раздается шум самолета. Он поднимает голову и улыбается.)* Летит... Летит...

Гул самолета.

Последний круг делает. На посадку заходит. Сейчас ручку от себя...

Гул самолета удаляется и совсем затихает.

Мотор выключил... Сел.

Слышен резкий шум самолета. Затем все стихает.

Сейчас все с ним поздравляются. Только я не поздравствуюсь.

В репродукторе слышны крики встречающих. Играет оркестр. Геша, услышав радио, резко поворачивается и с большим вниманием слушает.

Голос директора. Товарищи, слово предоставляется замечательному летчику нашей страны, Герою Советского Союза Климентию Черемышу!

Шум приветствий, крики «ура». Затем все стихает.

Голос летчика. Товарищи, родные мои земляки! Я ведь тут недалеко, в Холодаеве, родился. Вы это, товарищи, напрасно так меня восхваляете. Тут дело не во мне. Я не сам по себе такой стал. Кому я обязан, товарищи? Партии я обязан, это прежде всего. Коммунистической партии и товарищу Сталину.

Шум приветствий, аплодисменты.

И нашей Рабоче-Крестьянской Красной армии я обязан. Вот кто меня воспитал. Понятно, и вам всем обязан тоже. Я так скажу, что все мы с вами, как говорится, одним миром мазаны. Все мы с вами питомцы нашей великой родины.

Аплодисменты, крики «ура». Музыка играет туш. Слышны голоса ребят. Геша прячется за дерево. Входят ребята.

Аня Ох, я и волновалась! Сама говорю, а сама думаю: «Вдруг как спросит: «А где Гешка?»»

Званцев (на ходу). Нет Гешки, что с ним такое?

Плентусов. А как мы завтра без него играть будем?

Званцев. Играть, играть! Не в этом дело.

Званцев и Плентусов уходят.

Рита. Аня! Тебе жалко Гешку?

Аня. Не жалко, а непонятно как-то.

Рита. А я такое что-то предчувствую, такое что-то предчувствую! Только еще не знаю что.

Аня. Знаешь, Рита, мне кажется, что Гешка не хочет с братом встречаться. Он, по-моему, его боится.

Рита. Да, да, вот я это и предчувствовала. Он, по-моему, знаешь что... (Шепчет на ухо Ане.)

Аня. Погоди, погоди, Рита, ну что ты в самое ухо!

Рита. Он, наверное, у него украл что-нибудь.

Геша выглядывает из-за дерева.

Аня. Да глупости ты говоришь, Рита!

Рита. Ой, Анька... Сказать тебе что? Вы, по-моему, друг из-за дружки переживаете...

Аня. Вот уж глупости! Выдумашь...

Рита. Да, да! Уж от меня не скроешь. Я сама, думаешь, не знаю? Я вот тоже Юрку Лукашина все дразню, все дразню, прямо издеваюсь, а про себя-то, наоборот, переживаю. Только ты не вздумай сказать ему. А то мне станет неинтересно вот нисколечко.

Аня. Вот уж глупости! Прощай, Рита, я домой иду. А какой вечер хороший!

Подруги расходятся. На сцене темнеет. Ранний северный вечер. Геша, выйдя из-за дерева, идет вслед за Аней.

Геша. Баратова! Аня!

Аня (оборачиваясь, радостно). Черемыш! Гешка! Откуда ты взялся?

Г е ш а. Мне тебе несколько слов сказать надо, Баратова.

А н я. Что это вообще за новости! Там у нас в школе и в детдоме все с ума посходили, ищут тебя. Что это еще за тайны такие? Просто глупость!

Г е ш а. Если глупость, то чего же ты разговариваешь со мной?

А н я. А это уж не твое дело почему. Развел всякие секреты да тайны, а теперь мерзни тут! Ну что у тебя тут такого? Ты не думай только, пожалуйста, что я очень о тебе беспокоюсь. Я просто так, как староста, так уж обязана...

Г е ш а. А я тебе тоже как старосте хочу сказать... Только ты не смейся. Ты знаешь, Баратова... Только ты, чур, никому не говори! У меня такой номер получился, что уж и сам не знаю... Даешь слово?

А н я. Ну даю.

Г е ш а. Нет, ты смеяться будешь. Я знаю.

А н я. Ну тебя! Ничего смешного пока нет.

Г е ш а. Ну, уж давай не болтать, раз условились.

А н я. Если не веришь, так зачем говоришь? Удивляюсь! (Отходит в сторону.)

Г е ш а (подходя к ней). Ну ладно... Вот, Аня... Ты только смеяться будешь... Я знаю, Аня... Я ведь вовсе не брат ему.

А н я. Кому не брат?

Г е ш а. Ну ясно кому! Черемышу Климентию.

А н я (изумленно повернувшись к Геше). Как же, как не брат? А кто же?

Г е ш а. Ну просто он Черемыш и я Черемыш. Мы с ним, ну как это говорится, по фамилии тезки. Я тоже из села Холодаева. У нас там полсела и всё Черемыши... И никакой он мне вовсе не брат. Я его и не видал сроду. Ну просто, понимаешь, я себе это выдумал... Ну вообразил. Наши все померли давно. Сестру эшелон подобрал, а я один остался. Вот я себе и выдумал сам кого-нибудь... Прочел в газете, что есть такой летчик Черемыш, смелый. И я вроде даже привык как-то, будто на самом деле есть такой брат... Я знаю, тебе смешно, наверное.

А н я (возмущенно). А письма? Письма как же? Письма ты тоже сам?..

Г е ш а. Да нет! Письма мне сестра из Москвы присылает. Ей тоже фамилия Черемыш — Клавдия, Кл.

Аня. Ой, Гешка! Как же это ты, Гешка? Ну и бессовестный же ты все-таки! Надо ведь так наврать! Так наврать! А мы-то думали... Как тебе только не стыдно! Бессовестный ты! Бессовестный!.. (Взволнованная, отходит.)

Геша (вслед Ане). Нет, ты слушай. Ведь это я почему так? Для уважения, может, думаешь? Нет же, честное слово... Я и подтягивался, и дисциплину стал в себе развивать, и по учению тоже старался, чтобы не подводить брата. Ну, не брата то есть, вот этого... Тебе смешно, конечно.

Аня. Ничего смешного нет! (Подходит к скамье и садится.)

Геша (убедившись, что Аня его слушает, подсаживается к ней). Понимаешь, он сперва был не такой еще известный, а потом как пошел ордена отхватывать! То на полюс, то через полюс, то на Дальний Восток. И все его стали знать. А разве я виноват? Ведь я уже привык. Как-никак, третий год братом себя воображал. Ты не думай... я тоже взаправду волновался тогда, как он пропал... Эх, до чего мне тогда совестно было, что вы так ко мне относитесь, а я вовсе...

Аня. Как же теперь быть тебе?

Геша. Я уж и сам не знаю... Мне еще Кирилл Степанович записку велел передать ему. Вот я попал! Я лучше уеду куда-нибудь, Баратова. Я просто хотел тебе как старосте сказать. (Поворачивается и уходит.)

Аня (кричит вслед). Черемыш! Черемыш! Поди сюда!

Геша (возвращается). Ну, чего тебе?

Аня. Ну слушай, Геша. Чепуха все это! Куда ты уедешь? Ну я не знаю... Просто стыдно это слушать. (Подойдя к Геше.) Ты братом героя себя воображал, а ничему толком не научился. Вот и все, если ты так говоришь... Слушай, Геша, по-моему, надо так. Ты подожди меня здесь, а я сейчас пойду прямо в гостиницу к товарищу Черемышу и все расскажу ему.

Геша (недоверчиво). Сама все расскажешь?

Аня. А что? Вот так сама пойду и скажу. Он меня знает, я его на аэродроме приветствовала. Он такой веселый! Он поймет. Ну, ты меня подожди здесь, Гешка. Жди. (Убегает.)

Геша, постояв с минутку, садится на скамью, приподнимает воротник и застывает в ожидании.

Картина пятая

Номер в северянской гостинице. Стол, телефон, кровать в углублении, за занавеской. Входит летчик Черемыш с чемоданом, в кожаном пальто и шлеме. С ним директор школы.

Директор. Вот, пожалуйста! Располагайтесь. Отель «Полярная звезда». Недавно только построили.

Летчик. Отличный номер! Даже великоват для одного.

Директор. Ну что вы!.. Да у нас меньше и не было. Раскладывайтесь, отдыхайте, а я через часок заеду за вами: в горсовет поедem, на митинг. Ничего вам не понадобится?

Летчик. Спасибо! Не беспокойтесь. *(Раздевается, вешает пальто, раскрывает чемодан.)* Отдохну пока часок.

Директор. Отдыхайте, располагайтесь. Никто вас не потревожит. Городок у нас тихий.

Летчик. А давно вы сами в этом тихом городке?

Директор. Да лет эдак тридцать... Точнее будет сказать — на этом месте. Городка-то ведь не было, пристань была, Северянка.

Летчик. Как же, помню отлично! Северянка! Мы еще сюда мальчишками на плотях гоняли. Тут недалеко запань была, Шушугой называлась.

Директор. Совершенно точно, Шушугой. Не запомнили?

Летчик. Ну, еще бы! Тут в гражданскую наши у белых баржу отбили с боеприпасами.

Директор. Ну, точнее будет сказать, баркас, а не баржу.

Летчик. Нет, я слышал, баржу. Целый взвод обезоружили. А наших всего трое было.

Директор. Ну, точнее будет сказать, двое. Багуров Всеволод Петрович, ну и затем, следовательно, я... Только баркас, баркас, а не баржу.

Летчик *(восхищенно)*. Вы?! Здрóрово! А я еще мальчишкой об этом слышал столько! *(Восторженно глядит на директора, крепко жмет, трясет его руку.)* А теперь вот довелось увидеть лично... Вдвоем? Здрóрово!..

Директор *(смущенный донельзя)*. Ну, оставьте вы, товарищ Черемыш... Честное слово, неловко как-то получается. В сравнении с вами я...

Летчик. Стоп!.. *(Резко обрывает разговор, чувствуя,*

что сейчас пойдет хвала его героизму.) Вы лучше мне скажите, чем теперь занимаетесь?

Директор. Я директор школы, ну и как председатель избирательной комиссии...

Летчик (заинтересованно). Директор школы? Скажите, а на аэродроме это все ваши ребята меня приветствовали?

Директор (в смятении). Гм... Э-э... Да, все... Точнее сказать, все... но за исключением одного. Но он найдется, товарищ Черемыш, он непременно найдется! Он, понимаете, такой парень...

Летчик. Да вы это о ком?

Директор. А вы что спрашивали?

Летчик. Я говорю, на аэродроме это все ваши ребята были или из других школ тоже?

Директор (радостно). И из других школ тоже, непременно из других...

Летчик. Хорошие ребята!

Директор. Хорошие ребята! Отличные ребята!.. Ну, я пошел. Вы отдыхайте. Никто не потревожит. Городок у нас тихий.

Летчик. Да я, пожалуй, тут минут пятнадцать-двадцать отдохну. По-американски. Немного устал.

Директор. Ну, вы отдыхайте, отдыхайте! Городок у нас тихий. Никто вас не потревожит. (Уходит.)

Летчик, проводив директора, закрывает дверь, осматривает номер, берет стул, придвигает его к стоящему на первом плане креслу, садится в кресло, кладет ноги на стул, потягивается.

Летчик. Хорошо! (Тихо напевает.)

Звонок телефона. Летчик оглядывается на телефон. Снова телефонный звонок. Летчик решительно встает и подходит к телефону.

Да, слушаю... Я Черемыш... Да, да... Именно тот самый. Куда приехать?.. На гидростанцию?.. Спасибо, товарищи, постараюсь. Я всего на два денька к вам. Нужно весь округ облететь. Может, урву минутку. (Кладет трубку. Усаживается в кресло.)

Стук в дверь.

Входите, входите!

Стук повторяется. Летчик встает и идет к дверям.

Очень тихий городок... Ну, входите, входите!

Осторожно и смущенно в номер входит Аня Баратова.

Где это я вас уже видел? А, вспомнил, вспомнил! Это вы меня на аэродроме приветствовали? Как же, как же! Старые знакомые. Здорово говорили! Ну, присаживайтесь. Раздается телефонный звонок. Летчик подходит и берет трубку.

Я у телефона... Что? Ну, приходите, только поскорее, а то мне скоро ехать на заседание. Да, жду.

Аня. Товарищ Черемыш, к вам можно? Я не помешаю?

Летчик. Да нет, нет. Пожалуйста. Садитесь. (Усаживает ее на стул, а сам удобно устраивается в кресле.) Ну, как вас величать?

Аня. Баратова Аня.

Летчик. Ну, что скажете, Баратова Аня?

Аня. Я вот староста нашего класса. И у меня, то есть не у меня, а у нас... Нет, конечно, у нас... то есть у вас, есть брат у нас...

Летчик. Что это такое: «У нас, у вас»? Ничего не понимаю! (Смеется.)

Стук в дверь.

Входите!

Входит бабка. Смущенно улыбаясь, смотрит на летчика.

Бабка. Ты извини меня, старую, что покою тебе, верно, не даю.

Летчик. Здравствуйте! Какое уж там беспокойство! Проходите, бабушка, садитесь. Вот тут. (Подводит бабушку за плечи к креслу, на котором сидел сам, и усаживает ее. Садится перед ней на стул.) Ну вот.

Бабка. Уж очень меня интерес взял посмотреть. Как же, всё про тебя в газетах читаем! Уж очень прекрасно ты летаешь.

Аня. Да, товарищ Черемыш.

Бабка. Ну вот я и зашла поглядеть на тебя. Варешки тебе сама связала. Я тебя вот еще какесеньким знала. Помнишь тетку Петровну? Это ведь я.

Летчик. Не помню что-то.

Бабка. Не помнишь? Да как же это ты не помнишь! А у деда Евстигнея кто на пасеке жил? Я тебе еще во ёсенького петушка принесла. У деда... Евстигнея... на пасеке... А? Запомятовал? Ну где ж тебе, конечно, нас всех упомнить!

Летчик. Да я, бабушка, никогда и на пасеке не

Бабка. Ну вот я и зашла поглядеть на тебя. Варешки тебе сама связала.

жил. И никакого деда Евстигнея не знаю. Это ты, бабуся, чего-то обозналась.

Бабка. Ой ли? Ты ведь родом из Городилова?

Летчик. Нет, из Холодаева.

Бабка. Из Холодаева?

Летчик. Из Холодаева.

Бабка. А летает, который со Сталиным в газете снятый, тоже из Холодаева?

Летчик. Да это я летаю, бабушка. Холодаевские мы.

Бабка. Холодаевские?

Летчик. Холодаевские.

Бабка. Обозналась я. А я ведь думала, из Городилова! Там тоже Черемыши жили.

Летчик. Холодаевские мы.

Бабка. Холодаевские. Ах я дура, дура! Ну, ничего, ничего! Зато посмотрела. Знаю, за кого голос подавать

стану. (Спохватившись, разворачивает платок, в нем варежки.) А варежки возьми. На-ка. Все равно возьми. Хоть и не городиловский, бери. А то, чай, холодно вверху. Споднизу-то поддувает.

Летчик сперва отнекивается, затем берет большие красные варежки, надевает на обе руки, хлопает руками. Бабка прощается и уходит.

Летчик (Ане). Да, что вы мне хотели сказать?

Аня. Вот у нас в классе один мальчик тоже... Он совсем, оказывается, и не видал вас никогда, а сам все говорит... и очень мучается.

Телефонный звонок.

Летчик (в телефон). Слушаю...

Аня. Очень мучается...

Летчик. Да, да. Я самый... Точно так... Герой Советского Союза... Правильно... Майор... Верно, орденоносец. А кто говорит?.. Кто, кто? Громче. Громче, товарищ. Кто? Вова?.. Какой Вова?.. Ах, из детского сада, из старшей группы? Ну, что скажете?.. Как учитесь? Ах, еще не учитесь! А что? Вырезываете и склеиваете. Ага! Ну и как? Клеится... Хорошо. Ну, спасибо, спасибо, привет! Кланяйтесь другим товарищам из старшей группы. Спасибо, Вова. (Кладет трубку. Ане.) Так что вы такое начали?

Аня. В нашей школе учится один мальчик...

Стук в дверь.

Летчик. Милости прошу. Заходите.

Входит железнодорожник, неся модель паровоза в ящике, с ним Сохатов, тоже с длинным ящиком в руках.

Железнодорожник. Товарищ Черемыш, как вы, конечно, летаете, то вас, понятно, нижние пути сообщения интересуют уж не так. Но страна наша в том смысле, что является великой железнодорожной державой, то и вы должны учесть... Вот примите железнодорожный подарочек. (Открывает ящик и вынимает модель.)

Летчик. Спасибо, спасибо, товарищи! Большое спасибо! Только вы это уж совершенно напрасно. Решительно-таки напрасно.

Сохатов. Нет уж, нет уж, товарищ Черемыш! Ты не спорь. Это наш лесозавод тебя первый в кандидаты выставил. Так что ты и от нас прими. Слыхали мы, что ты по этой отрасли большой мастер. Городки это. Играешь?

(Передает летчику ящик. Тот в затруднении, так как у него в руках уже модель паровоза.)

А н я. Давайте я.

Л е т ч и к. Пожалуйста. (Передает ей модель. Сам берет ящик.) Как же, еще в академии чемпионом был!

С о х а т о в. Вот наши рабочие для тебя сами выточили. Посмотри, чурки звонки, а биты ухватисты. Так в руку и ложатся (Вынимает одну биту и вертит ею.)

Л е т ч и к (тоже вертя биты). Эх, хороша бита! А вы сами-то играете?

С о х а т о в. Я по городкам очень серьезный любитель.

Л е т ч и к. Ну, давайте завтра попробуем. Три фигуры форы даю.

С о х а т о в. Ой, смотри, товарищ Черемыш, прокидаешься! Ну, приезжай завтра, попробуем.

Л е т ч и к. Обязательно приеду и побью вас на вашей же территории.

С о х а т о в. Ну приезжай, приезжай, товарищ Черемыш! Ждем, ждем обязательно.

Ж е л е з н о д о р о ж н и к. Товарищ Черемыш, и к нам в депо приезжай. Ребята очень просили.

Л е т ч и к. Приеду, приеду! До свиданья, товарищи. Обязательно приеду!

Оба уходят. Летчик провожает их.

Так что же вы мне хотели сказать?

А н я. В нашем классе есть один мальчик...

Стук в дверь.

Л е т ч и к. Да! Входите.

Пятясь, входит Плинтусов, закрывает за собой дверь, затем поворачивается.

А н я (увидав Плинтусова). Этого еще нехватало!

П л и н т у с о в (комкая в руке тетрадь). Мне можно?

Л е т ч и к. Входите, входите! Вы незнакомы?

П л и н т у с о в и А н я (смотрят друг на друга). Знакомы.

Л е т ч и к (тихо Ане). Ах, так это и есть тот мальчик?

А н я (испуганно). Нет, нет!

Л е т ч и к. Ну, присаживайтесь. (Ставит рядом два стула, на один усаживает Аню, на другой — Плинтусова.) Вот так. Ну, что скажете? Как учитесь?

П л и н т у с о в (нерешительно). Хорошо.

Летчик. А это у вас что за тетрадка?

Плинтусов (мнет тетрадку и исподлобья смотрит на Аню). Это так. Задачи тут...

Летчик. А ну, интересно! Я большой любитель задачи решать. (Берет тетрадь и усаживается между Аней и Плинтусовым.) Пойдите, да тут стихи какие-то!

Плинтусов. Это, наверное, по русскому языку тетрадь. Не ту тетрадь захватил.

Летчик. А чьи это стихи?

Плинтусов. Так, кажется, Лермонтова.

Летчик. Ну вряд ли Лермонтов мог про авиацию сочинять, да и мягкий знак в слове «летишь» Лермонтов, сколько мне помнится, ставил.

Громко гудит автомобильный сигнал во дворе.

Ну, извините, ребята! Это за мной. Надо двигаться. (На ходу надевая пальто.) Вы мне что-то хотели сказать?

Аня. Товарищ Черемыш! Товарищ Черемыш, мы приглашаем вас завтра на хоккейный матч. Начало ровно в пять часов. Приходите обязательно. Мы наших мальчиков вызвали. Вот их.

Летчик. Только-то и всего? Приказано явиться на матч. Есть явиться на матч! (Быстро направляется к выходу. За ним следом Аня и Плинтусов.)

Картина шестая

Маленькая сторожка близ катка. Стены сторожки оклеены афишами о соревнованиях на льду. Знакомый нам уже по сцене на катке дед-караульщик сидит около печурки. Он точит коньки и напевает.

Дед.

Солдатушки, бравы ребятушки,

Кто ваши сестры?

Наши сестры — сабли востры,

Вот кто наши сестры.

Солдатушки, бравы ребятушки,

Кто ваши братья?

Стук в окно. Дед оборачивается и перестает напевать. Потом снова поет.

Солдатушки, бравы ребятушки...

Стук в окно.

Кто там? Кто там?

Геша (за окном). Это я.

Дед. Кто ты? (Кряхтя, подходит к окну, дует на замерзшее стекло.)

Г е ш а. Ге-ешка.

Д е д. Кто?

Г е ш а. Ге-е-шка.

Д е д. А-а-а! Ну заходи, гость поздний! (Открывает дверь, впускает Гешу, сам отходит в сторонку.)

Входит закутанный, замерзший Г е ш а.

Г е ш а. Здравствуй, дедушка! Можно у тебя погреться?

Д е д. Садись, садись. Вот чай крутой. Попей — внутри потеплеет. Накатался, поди?

Г е ш а. Нет, я не катался. Я, дедушка, уж теперь не буду.

Д е д. Что так?

Г е ш а. Ничего. Я отсюда ухожу наовсе. Мне уж в Северянске не жить.

Д е д. Аль выгнали?

Г е ш а. Да тут дело одно есть.

Д е д. Чего?

Г е ш а. Ничего. Только ты смотри ребятам не говори никому. Я только погреюсь и уйду. Я с нашими мальчишками поругался.

Д е д. Ну, поругался — подерись, а после обратно помирись.

Г е ш а. Пробовал. Анька Баратова обещала: «Скажу, скажу ему. Он поймет...» А сама стушевалась.

Д е д. Кому — ему?

Г е ш а. Никому. Нет, уйду.

Д е д. Чего ты это удумал? Гляди у меня! (Сурово стучит по столу кулаком.)

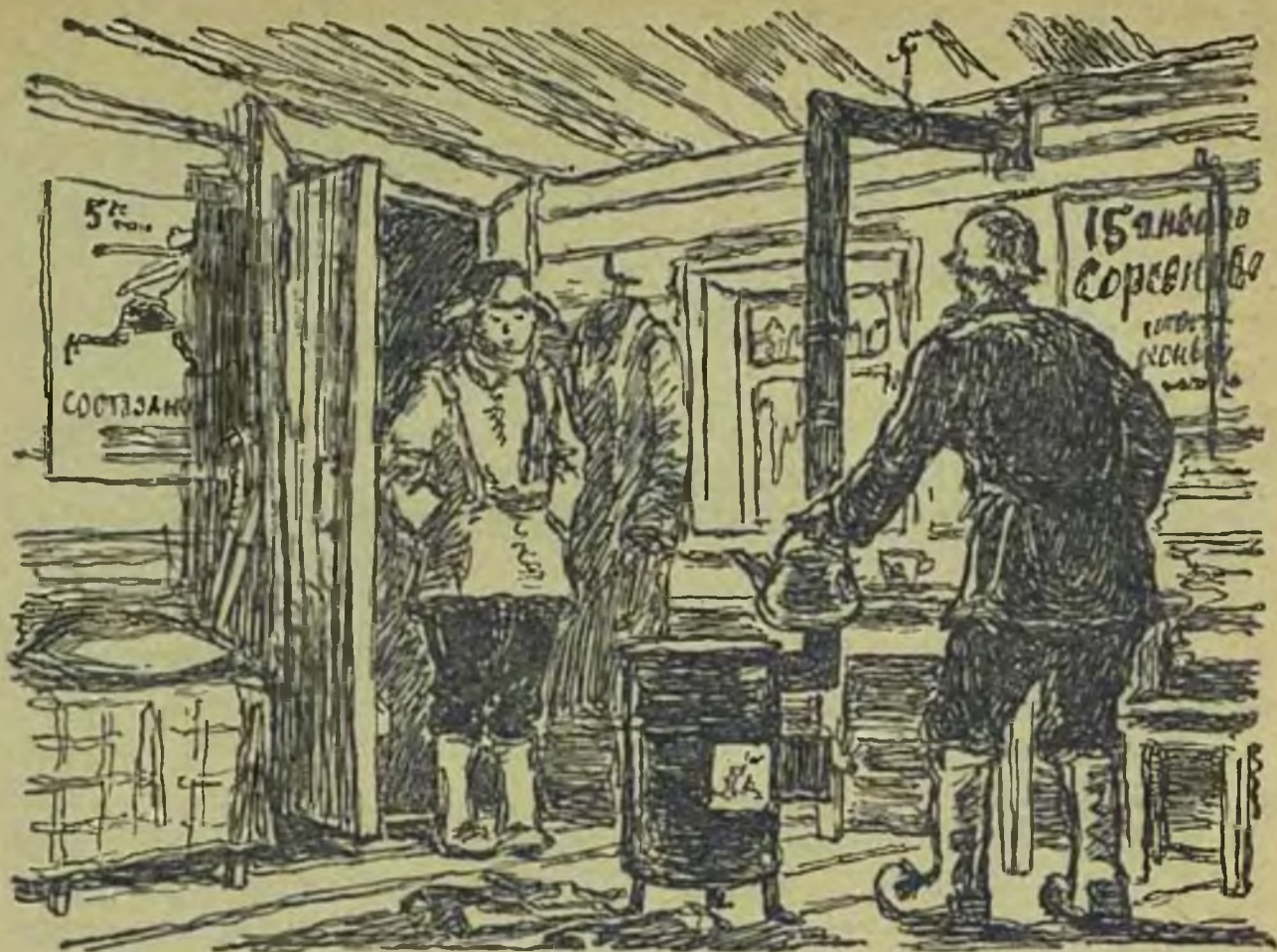
Геша идет к двери.

Стой! Чего это ты?

Геша останавливается. Молчит. Дед подходит к нему, смотрит на него.

Ну, раскройся. Замерз, как сосулька. Ну, раскройся. Ну, ну... (Снимает с Геши полушубок, начинает растирать руки, плечи, приговаривая.) Ну, ну... ну!

Геша покорно дает себя растирать. Молчит. Вдруг плачет, уронив голову на стол. Дед успокаивает его, подбадривает, любовно треплет. Видя, что это не действует, дед стучит кулаком по столу. Геша перестает плакать, взглядывает на деда и быстро отходит к печке. Дед садится на табурет и внимательно наблюдает за Гешей. Геша постепенно начинает улыбаться, дед тоже улыбается.

Геша. Здравствуй, дедушка! Можно у тебя погреться?

Геша. Холодно на улице. (Греет руки у печи.) Даже в носу стынет.

Дед. Вот в осьмнадцатом году еще лютей было. Ничего... выдержали! Ты садись чай-то пить. Чайком пополющись — весь сор с души смое. Вот возьми чайник.

Геша окончательно отошел. Он берет с печки чайник, кастрюльку с картофелем и ставит на стол. Дед в это время снимает с полки чашки, хлеб. Геша ставит все на стол и садится на топчан.

Дед. Как же они без тебя играть-то будут?

Геша хмурится и ничего не отвечает.

Ну, ешь, пей. Хлеб, соль, картошка. Сыпь!

Геша пододвигает к себе картофель. С аппетитом ест. Дед садится рядом с ним, наливает чай и пьет с блюдца. Геша тоже наливает себе в блюдце чай. Пауза. Дед пьет, громко прихлебывая с блюдца.

Дед (посмотрев на Гешу). Эх, не умеете вы, нонешние, чай пить. Что ты так, про себя пьешь? Ты пей с потягом, чтобы слышать было.

Геша подражает деду.

Так, так. Только дух должен быть подлиньше.

Геша прихлебывает еще сильней.

Во! Во!

Геша. Дед, а дед! А ты бы хотел, чтобы у тебя брат был?

Дед (продолжая пить чай). А на кой он мне? Что толку, что брат! Вот вопрос. Я за своего старшего в солдаты ходил, а он мои сапоги новые пропил. В тысяча восемьсот девяносто втором году... Брат... А домой вернулся — делиться стали. Он себе все и позабирал. От братьев только раздор да свара.

Пауза. Продолжают пить чай.

Геша. Дед, сегодня летчик этот прилетел. С музыкой встречали.

Дед. Герой!

Геша. Дедушка, ну а что, если бы у тебя такой брат был — герой?

Дед. Выдумал что! Брат! Да он мне в сыны годится. Вот сынок бы такой был — это да!

Геша. Ну, спасибо тебе, дед! Я пойду. Прощай! (Встает из-за стола.)

Дед. Куда же ты, на ночь глядя, пойдешь?

Геша (одеваясь). Пойду на станцию. Может, поезд какой попадется!

Дед (лукаво посмотрев на Гешу). Неужто так и бросишь? И не поглядишь, как ваши завтра играть станут? Ну это ты не игрок в таком разе.

Геша. А верно, дед! Правда, разве посмотреть сперва, а потом уж уйти? Только ты никому не говори.

Дед. Вот это правильно! Ты лягай спи.

Геша. Да нет, чего я тут мешать буду!

Дед. А я тебе говорю. Я все равно на дежурство на всю ночь уйду. Спи ложись.

Геша ложится на топчан и укрывается своим тулупчиком. Дед, убедившись, что он улегся, одевается, берет колотушку, затем подходит к Геше, поправляет на нем тулуп.

Ну спи, спи. (Гасит свет и тихонько уходит.)

Геша. Дед, а я все наврал... Я с мальчишками не ссорился. Дед, а я, правда, знаю... про авиацию... «Перегруженный самолет подобен утопающему...» Дед, со мною тоже приключилось... такое...

Все затихает. Слышна колотушка деда.

Картина седьмая

Городской сад. Забор и ворота катка с аркой. На столбе висит щит. Справа — дверь раздевалки. Подле столба стрелка. На щите надписи: «Молния» и «Зарница». Под надписями два больших белых ноля. Над аркой выются праздничные флаги. Дед-караульщик стоит на стремянке, оглядывая поле за забором. Звуки марша. Дед спускается со стремянки и сталкивается с притаившимся в проходе Гешей.

Дед. Что ж, так и не передумал?

Геша. Сказал — решил. И всё. Вот посмотрю только, как наших девчонок причешут. И — прощай. Уйду.

Дед. А может, передумаешь? Ух ты! Твердый.

Геша. Сказал — нет. Ты только ребятам не говори.

Дед. Молчу, молчу! Уж мое такое дело — за вами следы подметать.

Геша, увидев, что кто-то идет, быстро скрывается.

Петя (*входит страшно озабоченный, распоряжается своими «оруженосцами»*). Димка! Давай сюда кассеты! Ната, штатив живо! Я, ребята, заранее наведу на фокус, а как он выйдет, летчик, я его чик — и пожалте снимочек! Здорово? Ну-ка, кто-нибудь встань пока вместо летчика.

Дима и Ната. Я! Я! Я!.. Петечка, я!

Дима. Чур, я!

Ната. Я первая, Петя! Я первая сказала!

Петя. Ладно, стойте там оба. (*Наводит аппарат на фокус.*) Так. Хорошо!

Дима. Петя...

Петя. Не мешайте работать!

Ната. Петя, а Петя...

Петя. Не отвлекайте меня, я сказал.

Дима. Петя, у нас вопрос.

Петя смотрит в аппарат, молчит.

Ната. Петь!! Ну, Петечка-а!

Петя (*высовывается из-под черной накидки аппарата*). Ну говори, Димка.

Дима. Мы хотели тебя спросить: ты разве хочешь, чтоб у летчика только одни сапоги на карточке вышли?

Петя. При чем тут сапоги?

Дима. Так ведь на этой высоте у него только ноги будут...

Ната. А сам он уж дальше начнется.

Петя. Ах ты... Верно!.. Ну, тащи скамейку! Залезай! (*Влезают оба: и Ната и Дима.*) Вот теперь самый раз!

Даже на рост с запасом! Ну, я пойду посмотрю, а вы тут посторожите, чтобы никто не касался. Можно на вас положиться?

Д и м а. Уж будь покоен, никто не дотронется!

Н а т а. Само собой! Да, Димка?

Петя уходит. Идут люди на матч.

Д и м а. Тихо, тихо! Кругом идите, с того боку! Не видите — аппарат стоит.

Н а т а. В это место вход запрещается.

П р о х о ж и й. Кем запрещается?

Н а т а. Петей!

Гудит автомобиль. Слышны крики «ура». Прибегают ребята. Стремглав вылетает Петя Никольский.

Д и р е к т о р (входя). Пожалуйста сюда, товарищ Черемыш.

Встреченный шумными аплодисментами, входит Климентий Черемыш.

Л е т ч и к. Здравствуйте, здравствуйте, товарищи!

П е т я. Товарищ Черемыш, одну минутку! (Фотографирует летчика.)

Л е т ч и к. Денек богатый! Морозец, как звон, стоит. Охотничий денек стоит, лётный! Хорошо в нашем краю, товарищи!

П е т я. Спасибо, товарищ Черемыш! Готово!

Летчик и сопровождающие его проходят на каток. Евдокия Власьева подходит к стоящему у стремянки директору.

Е в д о к и я В л а с ь е в н а. Ну как, не спрашивал?

Д и р е к т о р. Нет.

Е в д о к и я В л а с ь е в н а. Удивительный характер! Даже не интересуется! А я всю ночь не сплю.

Д и р е к т о р. Ох, и не говорите! У меня самого сердце не на месте. Как он рот раскроет, так я и жду — сейчас спросит: «А где тут у вас мой братишка учится?»

Дед, стоявший в стороне, направляется к директору.

Д е д. Товарищ директор! Вот это герой! Вот это действительно! Один три ордена заработал...

Д и р е к т о р. А у тебя, дед, как лед, в порядке?

Д е д. Лед у нас высшего качества.

Директор. Прибылой воды нет? Могу быть спокоен? Ребята ведь!

Дед. Это не сомневайтесь! Где, значит, полынья или прорубь, допустим, тут я по всей аккуратности вешками обставляю. А то вот у нас в восемнадцатом годе...

Директор. Ну, ладно, ладно! (Не дослушав деда, уходит с Евдокией Власьевной.)

Свисток. Звуки марша. Из раздевалки появляются девочки во главе с капитаном Аней Баратовой. Затем выходят мальчики во главе с капитаном Плинтусовым. Под аплодисменты ребята проходят в ворота. Музыка смолкает. Слышен голос судьи: «Нашему кандидату, Герою Советского Союза товарищу Черемышу от школьников Северянска физкульт...» Голоса ребят: «Ура!» Снова судья: «Физкульт...» «Ура!» — «Физкульт...» «Ура! Ура! Ура!»

Судья (появляясь у арки). Капитаны, вперед!

К арке подходят Плинтусов и Аня.

Судья. Жребий. (Зажимает в руке свисток.)

Плинтусов и Баратова по очереди указывают на руку судьи. Свисток очутился у девочек.

Баратова. Нам начинать.

Плинтусов. Чур, наши ворота!

Ребята убегают к невидимому зрителю месту, где будет происходить игра. Входит Геша. Взбирается на стремянку, смотрит по верх забора.

Геша. Вот он, Черемыш.

Голос Пети в репродукторе. Внимание, внимание! Говорит Северянск. Начинаем передачу с катка водного стадиона. Сегодня мы транслируем хоккейный матч наших лучших школьных команд.

Геша слезает с лестницы и становится рядом с дедом под аркой у входа на стадион.

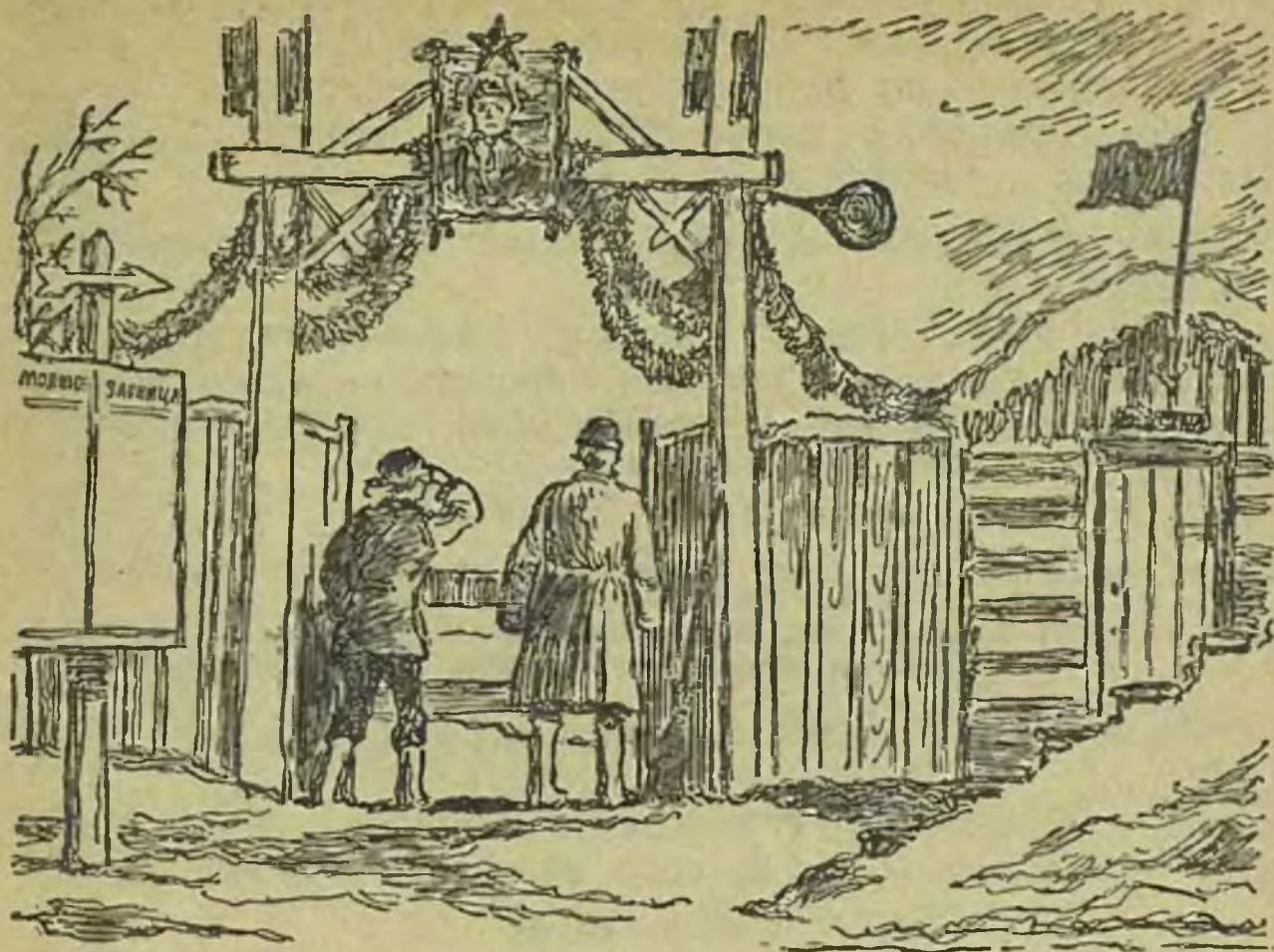
Геша. Ты только погляди, дед, кого они капитаном вместо меня поставили! Плинтусова!

Дед. А что ж, сокол с насеста — ворона на место. Сам виноват. Прячься.

Свисток судьи.

Голос Пети в репродукторе. Внимание! Внимание! Вы слышите свисток судьи. Игра началась.

Геша (следа за игрой). Начали! Начали! Ох, как Плинтус-то прорвался! Смотри!

Геша. Ты только погляди, дед, кого они капитаном вместо меня поставили! Плинтусова!

Голос Риты. Ой, девочки, миленькие, не пускайте его сюда, не пускайте!

Геша (деду). Эх, как Аня-то его подшибла! Смотри, валяется Плинтус толстый. Так тебе и надо. Не лезь в капитаны!

Первый зритель. Валяй! Валяй!

Второй зритель. Сажай! Сажай!

Третий зритель. Судья, надень очки! Не видишь, что ли?

Голос Плинтусова. Кинь на выров!

Первый зритель. Штрафной за это.

Голос Пети в репродукторе. Вы слышите, как зрители бурно одобряют удачные атаки девочек. Команда мальчиков растерялась.

Первый зритель. Неправильно!

Голос Риты. Девочки, девочки! Давай сюда! Давай сюда!

Голос Муси. Баратова, Баратова! Держи!

Голос Пети в репродукторе. Игрок Плинтусов завладел мячом. После этой удачи он мчится к воротам девочек, но Баратова идет ему наперерез. Борьба за мяч. Свалка у ворот. Решающий момент. Упавший Плинтусов с разгона лежа въезжает в ворота.

Геша. Баратова-то, Баратова-то как прорвалась! Не догнать!

Голос Пети в репродукторе. Мяч отбит. Теперь снова нападают девочки. Баратова передает мяч налево, идет на выров. Подача с края, Баратова приняла. Ура!

Свисток судьи. Аплодисменты.

Мертвый мяч. Гол. Счет один ноль в пользу девочек.

Дед выходит из-под арки, поднимается по стремянке, достает цифру «1» и вешает ее на щит девочек.

Геша. Ну где им без меня играть! Наловят глоб сейчас.

Дед (сходя со стремянки). Девочки — один. Мальчики — баранка. (Стал на свое место под аркой.)

Свисток судьи.

Голос Пети в репродукторе. Мальчики вышли на центр. Мячом опять завладевают девочки.

Голос Баратовой. Давай на край! Давай на край!

Голос Лукашина. Плинтус, пасуй сюда!

Голос Дуси. Риточка, держи!

Голос Пети в репродукторе. Плинтусов отнял мяч, передал Лукашину, тот — Сбруеву. Сбруев пасует на центр Плинтусову. Плинтусов бьет, но, очевидно, Плинтусов считает, что ворота находятся где-то сбоку, потому что он ударил метров на десять от ворот. Нет, мальчикам сегодня не везет. Вот мяч опять у девочек.

Свисток судьи. За аркой на минуту показываются судья и Плинтусов.

Судья. Делаю тебе предупреждение, Плинтусов.

Плинтусов. Да они сами первые толкаются. (Убегает.)

Свисток судьи.

Голос Пети в репродукторе. Все опять срываются с места. Баратова пасует на центр. Мяч передается на угол.

Голос Сбруева. Бей на аут, бей на аут!

Голос Пети в репродукторе. Сбруев напрасно делает вид, что его сшибли. Упал он сам.

Геша (жадно следя за игрой). Пропало дело! Вот-вот. Отбили. Опять ведут. Смотри, дед, а пасовка-то какая!

Голос Плинтусова. Званцев! Лукашин, чего смотрите?

Голос Риты. Бей его, Аня! Бей его, Аня, бей! (Визжит.)

Голос Пети в репродукторе. Баратова бьет. Званцев бросается. Баратова ведет на центр. Подача Муравской. Муравская снова дает Баратовой. Прекрасная комбинация!

Свисток судьи. Аплодисменты.

Вы слышите аплодисменты. Мяч в воротах.

Дед (направляется к стремянке). Игра идет, контора пишет. А мое дело номерки вешать.

Голос Пети в репродукторе. Девочки — два. Мальчики — ноль.

Дед вешает двойку на щит и спускается вниз.

Дед. Девочки — два, мальчики — баранка. (Проходя мимо Геши, укоризненно смотрит на него.)

Свисток судьи. Игра продолжается.

Голос Пети в репродукторе. Игра продолжается. Мальчики опять выходят на центр. Вот они опять начали. Свалка на центре.

Дед (Геше). Гляди, гляди, как вашего брата-то учат!

Геша. Подлец я, подлец! В такой момент я их бросил! Вот уже Климентий ни за что бы так.

Дед. Да, ты их в самый корень подсек!

Геша. Нет, врешь, дед! Не подсек. Иду играть. (Надевает ботинки с коньками, убегает на стадион.)

Голос Геши. Товарищ судья, разрешите! Я играю. Свисток судьи. Шум на поле, улюлюканье зрителей, визг Риты.

Голос Геши. А ну, Плинтусов, давай повязку капитанскую!

Голоса ребят. Гешка, здорово! Где же ты был? Гешка! А мы тут...

Голос Геши. Тихо! Ребята, пасуй мне на правый край. Хавы! Закройте Баратову. Плинтус, пошел на место в защиту! Игра!

Свисток. Слышен визг: «Ой, ой, не пускайте его, миленькие девочки, не пускайте!»

Г о л о с Г е ш и. Ключку на себя. Заходи на удар. Сажай на три точки. Есть. В притирочку!

Туш. Аплодисменты. Дед вешает цифры: «Девочки — 2, мальчики — 1». Виден Плинтусов, заскочивший в угол площадки. Он, размахнувшись что есть силы, бьет мяч.

Г о л о с Г е ш и. Ну куда же ты бьешь? В аут? Что ты, в лапту играешь, что ли?

На секунду видна бегущая Аня.

Д е д (со стремянки). Стой! Куда ты? Полынья там, прорубь!

Слышны крики ужаса.

Г о л о с а. Провалилась!..

— Ой-ой! Под лед пошла!

— Там полынья. Только сверху подмерзло!

— Батюшки! Батюшки!

— Спасите!

Расталкивая всех, в ту сторону, куда убежала Аня, проносится Геша.

Г о л о с а. Лед подломился! Лед подломился!

— Ай-ай, и мальчишка погибнет!

— Пропал парень!

На сцене никого. Слышен только четкий голос летчика: «Назад! Давайте веревки! Осторожно! Все назад!» Пауза. Взволнованная, вбегает Рита, за ней Дуся и Нонна.

Р и т а. Девочки, милые, родные! Вы ведь ничего не видели, наверное, а я все, совершенно все видела! Я совершенно рядом стояла и все видела. Аня побежала, лед вдруг трах! Она в воду бултых! А Гешка такой отчаянный и до чего смелый! Бросился Аню спасать! Ни капельки не задумываясь... Ну просто совершенно кошмар! И вдруг я вижу, Гешкин брат, летчик, в прорубь за ним тоже прыг, а Гешки уже не видно. Потом и летчика не видно. Девочки, это такой ужас! Вы ведь ничего не видели. А я все видела. Все, совершенно все! И летчик схватил Аню, потом Гешку и стал тащить их что есть силы и спас им жизнь от смерти.

Д у с я. Ой, девочки!

Р и т а. Несут, несут! Девочки, несут!

Появляются остальные девочки и Валериан Аркадьевич с Аней на руках. Рядом директор, Евдокия Власьевна, летчик с Гешей.

Директор (снимая пальто). Наденьте, наденьте, простудитесь!

Летчик. Пустяки, нам не впервой. (Геше.) Ну как, живой?

Геша. Живой.

Летчик. Есть живой! Ну, товарищи, несите их ко мне в машину.

Все уходят.

Дед (на ходу). Вот и у нас в восемнадцатом году... Дуся. Ой, девочки! (Убегает за всеми.)

Картина восьмая

Комната Климентия Черемыша в гостинице.

Летчик. Ну как, обсох?

Геша (лежа на кровати). Ничего.

Летчик. А отыгаться все-таки не успел! Два на один в пользу девчат осталось. Ну, не горюй. Отыграешься в другой раз, когда окончательно обсохнешь. А сейчас спать! И я немного отдохну. Вот здесь, на диване. А то надо скоро ехать на заседание. А ты спи. (Смотрит на Гешу, потом подходит к дивану, удобно устраивается и быстро засыпает.)

Геша приподнимается на кровати, смотрит на спящего Черемыша.

Геша. Сказать? Нет. (Снова ложится. Затем опять приподнимается.) Нет, сказать! Он меня спас, а я от него секрет держу и еще про него самого. Узнал бы, так не спасал бы, наверное. Нет. (Геша снова ложится.) Я потом... немного после. Потом. (Быстро вскакивает.) Сказать! (Встает, подходит к дивану.) Товарищ Черемыш, я про вас все врал.

Летчик спит и не отвечает.

Спит! Ну, я потом скажу. (Геша идет к кровати и ложится.) Немножко после, а то он меня живо отсюда фюить! (Вскакивает.) Нет! (Снова ложится. Вскакивает.) Нет, сказать! (Быстро идет к постели летчика, тормошит его.) Товарищ Черемыш, товарищ Черемыш! Я вам хочу сказать...

Летчик вскакивает. Геша испуганно отбегает в другой конец комнаты.

Летчик. Что? Что? Ехать, да?

Геша. Товарищ Черемыш, я хочу вам сказать...

Летчик. Что?

Геша. Спасибо, что вы меня вытащили. Да я не то...

Летчик. Да ты что, с ума сошел? (Быстро подходит к Геше и берет его на руки, укладывает в кровать.) Нашел время, когда спасибо говорить! Живо спать! Спать! (Укрывает Гешу, задергивает занавеску у кровати и отходит к дивану. Потом, решив проверить, спит ли Геша, идет к занавеске, открывает ее и видит сидящего на кровати Гешу, который пытается что-то сказать.) Спать, тебе говорят! Сейчас же! Спа-ать! (Задергивает занавеску, подходит к столу, закуривает папиросу.)

Стук в дверь. Летчик тихо подходит к двери и открывает ее. Входит дед-караульщик, в руках у него клюшка и книги.

Летчик. Входите! Входите!

Дед (громко). Вот вещички. (Увидев предостерегающий знак летчика, тихо.) Вот вещички. Ваш спасенный забыл. (Передает клюшку и книжки летчику.)

Летчик. Спасибо, спасибо!

Дед (в сторону спящего Геша). Ну как?

Летчик. Ничего.

Дед (сняв шапку). А вы, я вижу, скрозь герой! Не берет вас что в небе, что в воде, что на земле.

Летчик. Слушай, дед, и ты туда же! Хватит вам! Что вы все? Подумаешь, летчиков не видели! Ну вот что, дед, будь здоров! Иди и зря не ахай.

Дед уходит, с улыбкой глядя на летчика. Летчик закрывает дверь за дедом, возвращается в комнату, осматривается, потом подходит к столу, берет клюшку, вертит ее в руках, кладет на стол, перелистывает книги, читает.

Летчик. «Унзере геноссен лебен цузамен». (Улыбнувшись, кладет учебник на стол. В это время из другого учебника падает письмо. Летчик поднимает его. Читает.) «Герою Советского Союза товарищу Климентию Черемышу». (Раскрывает конверт, вынимает письмо.) «Уважаемый товарищ Черемыш! Дирекция Третьей северянской школы вынуждена обратить ваше внимание...» Что такое? (Читает дальше.) «...на неуспеваемость и недисциплиниро-

ванность вашего брата Черемыша Геннадия, ученика пятого класса...» Что такое?

На лице его гримаса веселого недоумения. Он оборачивается, смотрит в сторону спящего Геши. Сквозь прорезь занавески просовывается голова Геши.

А! Проснулся утопленник! Шука подледная. Слушай, это твои тут учебники принесли?

Геша (утвердительно кивает головой). Ага!

Летчик. Вот тут письмо какое-то насчет брата. А у меня никакого брата нет и не было.

Геша. Это про меня... А неуспеваемость только за последнее время. Честное слово, правда...

Летчик. погоди, погоди! А я то при чем? Написано — брат. (Идет к кровати Геши.)

Геша. Это я — брат.

Летчик (удивленно). Ты — брат?

Геша. Ну как будто брат...

Летчик. Чей брат?

Геша. Ваш будто.

Летчик. Мой?

Геша. Угу!

Летчик. Нет, у тебя жарок, я вижу. Дай-ка я тебе градусник поставлю. (Идет к столу за градусником.)

Геша (останавливает его). Да нет же, у меня нормальная... Вы не сердитесь только, я сейчас скажу. (Неожиданно начинает плакать, закрывается одеялом с головой.)

Летчик. Ну чего ты, чего ты? (Садится подле Геши на постель.)

Геша (из-под одеяла). Я два года... все про вас... воображал. Два года... воображал. И по занятиям из-за вас хорошо шел. И по авиации тоже старался. Можете спрашивать, я все отвечу. Ну, спрашивайте.

Летчик. Ну что же мне тебя спрашивать?

Геша. Нет, спросите, спросите!

Летчик. Что ты, чудак какой! Что я у тебя буду спрашивать?

Геша. Ну что хотите, спросите. Ну спросите что-нибудь по авиации.

Летчик. Вот чудак, право! Ну, ладно. Как вот, скажем, допустим, как бы ты посадил машину при боковом ветре, если, скажем, вынужден сесть, а подходы иначе не позволяют.

Г е ш а (все еще под одеялом, очень быстро). Посадка при боковом ветре производится при ветре, бьющем справа или слева от направления посадки... (На секунду высовывается из-под одеяла.) Сажать при работающем моторе?

Л е т ч и к (отойдя от кровати, внимательно слушает Гешу). Ладно, бог с тобой! Сажай с работающим.

Г е ш а (опять закрылся одеялом). Тогда, значит, надо скользнуть на крыло туда, откуда ветер. А по-над землей выровняться и газануть как следует... чтоб шибче садиться...

Л е т ч и к. Фу ты, история! Прямо на три точки посадил. Откуда ты это? (Подходит к кровати, садится рядом с Гешей и внимательно слушает его.)

Г е ш а. У меня все это про вас главное во всей жизни было. Я за вас ож и волновался, когда вы в перелете были! Кому ни скажешь «Черемыш», свою фамилию, сейчас же все спрашивают: «Не родственник ли тому?» А мне уж отказываться неохота.

Л е т ч и к. Та-ак... Понятно! (Встал, прошелся по комнате.) Ведь это самозванством называется. Нет, таких братьев мне не требуется!

Геша быстро начинает одеваться.

Куда ты?

Геша молчит, продолжает одеваться.

Куда ты?

Г е ш а. Уйду, и всё! (Встает с кровати, направляется к креслу и, взяв пиджак, натягивает его.)

Л е т ч и к. Убежать — дело нехитрое, а остаться — вот это другой разговор. (Посмотрев на Гешу, отходит к окну и тихонько насвистывает; оборачивается.) Ну, уходи! Нет уж, ты, того, брат Гешка, немного лишка перехватил. Ты бы уж, в крайнем случае, ну один про себя играл. А то, видишь, и других в дело запутал. Неловко получается.

Г е ш а. Ведь у меня это про вас самое главное в жизни было.

Л е т ч и к. Врать, врать не надо. Врать — это без пяти минут последнее дело.

Г е ш а. А последнее дело какое?

Л е т ч и к (подойдя к Геше). А последнее дело — это, Геша, если долг свой, дело, которое тебе партией, народом поручено, товарищем Сталиным, не выполнил. По-

нашему, по-красноармейски, это самое распоследнее дело. Понял?

Г е ш а. Понял.

Л е т ч и к (сел на кресло и посадил на колени Гешу). А у тебя значит, как и у меня, однофамильцев хоть пруд пруди, а родни — никого?

Г е ш а. Нет, у меня сестра в Москве есть, только она так... неинтересная. Она шьет, в общем.

Л е т ч и к. Портниха, что ли? Ты, брат, не отмахивайся. Это тоже хорошее дело — без штанов далеко не пометишь. Мне вот костюмы для перелета в специальном институте конструировали, а ты говоришь — портниха! Ну как же нам теперь все это расхлебать? Может, так все и оставить? Пускай все думают, что брат. Или как?

Г е ш а (встав и отойдя в сторону). Нет, пускай уж лучше знают. Все равно. А то какой же я вам брат, если буду трусить и врать всем?

Л е т ч и к (радостно). Вот это подходяще! За это хвалю! (Встает.) Ну вот что, друг. Назвался груздем, так полезай в кузов. Назвался братом, то уж изволь мою фамилию не конфузить. А то что же это такое? (Подходит к Геше, обнимает его и водит по комнате, затем подводит к столу и берет учебник.) Ерунда получается. Смотри, никуда это не годится! (Читает выдержку из письма.) «... на неуспеваемость и недисциплинированность...» Да и за чем же дело стало? Теперь учиться ведь одно удовольствие!..

За дверьми слышны голоса ребят.

Л е т ч и к (прислушивается). Э-э! Там, кажется, к тебе вся школа направляется. Ну чего же ты испугался? Сейчас так прямо все дело и разъясним. Одевайся пока. (Провожает Гешу в альков, задергивает за ним занавеску, направляется к двери, открывает ее, впускает ребят.) Ну входите, входите!

Застенчиво прячась друг за друга, входят знакомые нам ребята: Плинтусов, Лукашин, Званцев, Муравская, Корелов, Королева и другие ребята.

Л е т ч и к (здороваясь со всеми). Здравствуйте, ребята!

Первым подходит Плинтусов.

Л е т ч и к. Здравствуйте! А где это я с вами сегодня здоровался? Или тут кто на вас похожий был?

Летчик. Здравствуйте, ребята!

Плентусов. Это я сам на себя похожий.

Летчик. А что это у вас? Лермонтов?

Плентусов (держа тетрадь). Нет, это мое полное собрание.

Летчик. Ну, спасибо всем, садитесь!

Рита. А как ваш брат Геша? Поправился? Ой, мы так за него беспокоились, так волновались! (Садится.)

Летчик. Ну, ну!

Лукашин. Мы очень интересуемся, как Геша и что с ним.

Летчик. Вот что, ребята, произошла тут маленькая путаница, и нам с Геннадием не хочется оставлять вас в заблуждении. Вот сейчас Геша вам все расскажет. (Идет к алькову, открывает занавеску, но Геши там нет. Летчик отходит и обращается к ребятам.) Так... (Громко.) Ушел... не выдержал...

Ребята переглядываются.

Ну все равно, я сам вам все расскажу. (Подходит к ребятам.) Вот, ребята, хоть Геннадий мне и брат, как вы это

знаете, но должен я вам сказать про него нехорошую вещь. Трус он большой.

Шум среди ребят, возгласы недоверия.

Да, да. И правду скрывать любит, боится.

Шум среди ребят.

Это очень неприятно, ребята, когда родной брат и вдруг оказывается трусом.

Геша (вылезая из-под кровати). Никто не трус, никто и не родной.

Ребята. Гешка!

Сбруев. Гешка, куда же ты девался?

Летчик. Ага... Ты весь тут. А я думал, только ноги твои остались. Они из-под кровати торчали.

Геша (смущенно). А разве видно было?

Летчик. Да... техника маскировки у тебя слабоватая. Ну, ладно. Вот скажи им, чего ты прятался. (Садится в кресло.) А вы садитесь, садитесь, ребята!

Геша. Я не прятался, я там духу набирался.

Летчик. Набрался духу? Ну, ныряй теперь.

Геша (ребятам). Ребята... правда... можете меня ругать, как хотите, правда, даже обзывайте как-нибудь...

Ребята. Да что ты, Гешка!

Геша. Только вы не смейтесь. Я ведь, ребята, им... вот им... (указывает на летчика) совсем не родной брат.

Званцев. Двоюродный?

Геша. Да какой двоюродный! Просто я это сам себе выдумал.

Лукашин. Выдумал?!

Званцев. Как?

Дуся. Ой, Гешка!

Рита. То есть как это выдумал?

Плентусов. Что ты, Гешка!

Геша. Ну, вообразил... Как я к вам в школу перевелся, то решил это выкинуть из головы, а вы сами: «Черемыш, Черемыш, не брат ли?» Вот я и опять стал врать.

Званцев. Что это такое, ребята?

Сбруев. Не брат? Как же это?

Рита. Не брат!

Дуся. Ой, девочки, как же это?

Рита. Я так и предчувствовала, так я и предчувствовала...

Плинтусов. Да чего ты там предчувствовала?

Званцев. Да постой же, ребята, как это? Неужели совсем не брат?

Дуся. Ой, девочки!

Лукашин. Ну, уж это просто безобразие, я скажу!

Сбруев. Ну, уж это, по-моему, форменная ерунда получается, если это не брат...

Плинтусов. За такие штуки знаешь что бывает?

Лукашин. Бе-зо-бра-зие!

Рита. Нет, вы подумайте, как только не стыдно так врать? Так врать!

Шум. Все говорят сразу.

Летчик. Стоп!

Ребята умолкают.

Врать, конечно, не следует. За вранье вы ему пропишите там что полагается. Только не очень усердствуйте. Парнишка он хороший, недаром я его из-под льда выудил. Ведь молодчина — первый бросился в ледяную воду вашу подружку спасать. Рисковал! Да и прибыли ему от родства со мной было не много, только хлопоты. У нас почет идет не по роду, не по племени, а по делам. Будь ты там кум или брат чей угодно, а изволь сам себя проявить самостоятельно.

Геша. Вы уж меня больше не вытаскивайте — хватит, что из проруби...

Дуся. Нет, это просто прямо ужас... А мы-то все, как маленькие: «Брат, брат...»

Званцев. Ну раз мечтал так, понимаешь?

Лукашин. Ну, уж это все-таки слишком! Если бы про себя, а то вслух всем.

Рита. А ты у печки не мечтаешь вслух? И воображаешь, что Чапаев, батарея, огонь...

Летчик. Правильно! Мечта, товарищи, штука в жизни весьма уважительная. Мечта человека в люди выводит, но без вранья, конечно.

Плинтусов. Эх ты, Геша! Сказал бы раньше все начистоту, может быть вместе бы и повоображали. А теперь...

Стук в дверь.

Летчик. Войдите!

Ребята оборачиваются. Входит Евдокия Власьевна с закутанной в шаль Аней.

Евдокия Власьевна. Здравствуйте, вот, пожалуйста, привезла вам утопающую номер один. Не смогла в постели удержать, так и рвется сюда. Ничего с ней поделать нельзя. Ну, как себя номер два чувствует?

Летчик (выталкивая вперед Гешу). Ничего.

Сбруев. Евдокия Власьевна, вот хорошо, что вы пришли, а то у нас тут...

Дуся. Вы знаете, Гешка-то, оказывается, врал все!

Рита. Да не врал, не врал он... не врал, а воображал...

Званцев. Мечтал он...

Евдокия Власьевна. Ну тихо, тихо, я все знаю, мне Аня сама рассказала.

Аня. Девочки, ребята, я ведь тоже виновата. Меня Геша как старосту просил все сказать товарищу Черемышу. А у меня оказался характер бесхарактерный, и я не смогла.

Рита. А! Значит, ты знала, а от меня скрыла? Ну, нечего сказать, хороша подруга, спасибо тебе!

Летчик. Условимся так: раз уж вы привыкли считать меня близким родичем, то я беру и в дальнейшем братское шефство над всем вашим классом и прочее соответственно.

Ребята аплодируют.

Лукашин. Над пятым «Б»?

Летчик. Хорошо, над пятым «Б».

Аня. Геша, а все-таки на один в нашу пользу.

Плинтусов. Это пока капитана нашего не было, а как пришел, так вы сразу со страху под лед полезли.

Летчик. Ну, давайте условимся, чтобы никаких дразнилок, раз и навсегда. Условились?

Рита. Значит, теперь вы будете наш брат? Вот хорошо!

Геша. Товарищ Черемыш! А письма нам писать будете?

Летчик. Буду, Черемыш.

Стук в дверь, вбегает Петя Никольский. Ребята весело встречают его.

Петя. Товарищ Черемыш! Я собственный корреспондент из местной редакции.

Летчик. Знаю, знаю. Вы меня раз пятьдесят на аэродроме снимали. Где же снимочки?

Петя. Будут, товарищ Черемыш. А вот нам сейчас

нужно срочно для нашей газеты снять вас вместе с вашим братом.

Л е т ч и к. А у меня все здесь братишки и сестренки, так что уж придется семейный портрет делать.

Все ребята располагаются около летчика, он — в середине.

П е т я. Внимание! Построились. Плинтусов, что эта за поза? Внимание! Предупреждаю: будет выдержка небольшая... Снимаю! (Наклоняется к сумке за кассетами, шарит. Растерян. Тихо.) Забыл кассеты...

Стук в дверь. Вбегают Д и м а и Н а т а.

Д и м а. Петя, кассеты!

Общий хохот. Малышей усаживают в группу.

П е т я. Внимание! Предупреждаю: будет выдержка небольшая. Снимаю... Раз, два, три, четыре, пять!
